

ЖЗД

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XXXVI г.

№ 28

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 40 книгъ „Сборника“, содерж. соч. М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА и А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 16-го іюля 1905 г.

Подписная цѣна съ достав. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

г. XXXVI

1905

Къ этому № прилагается: „Полнаго собранія сочин. А. К. Шеллера-Михайлова“ книга 36.

Волченокъ.

Повѣсть

П. П. Гнѣдича.

(Продолженіе).

XXXIV.

Въ сочельникъ завернулъ морозъ. Это не помѣшало мистеру ходить утромъ босикомъ по снѣгу. Къ восьми часамъ вечера сошлись на елку ребята. Ихъ сошлось человѣкъ пятнадцать, по представителю отъ каждой семьи. Но леди было подробно извѣстно, сколько братьевъ и сестеръ было у каждаго и кому сколько подлежало послать. Подарки раздѣлялись на три категоріи: во-первыхъ, — сласти и яблоки; во-вторыхъ — игрушки; а въ-третьихъ — теплая одежда. Если быть справедливымъ, то нельзя не согласиться съ тѣмъ, что и сласти, и яблоки были самаго низшаго сорта; сласти давно уже высохли, и отъ нихъ остался одинъ сахаръ; въ яблокахъ же единственнымъ достоинствомъ было то, что они были не гнилыя. Игрушки были болѣе высокаго качества. Тутъ были для дѣвочекъ пучеглазья куклы очень внушительныхъ величинъ; тутъ были для мальчиковъ коньки и сани съ желѣзными полозьями. Зато, что касается одежды — шарфовъ, шапокъ, башлыковъ, сапоговъ, то все это было столь высокаго качества, что отцы дѣтей могли смѣло заложить ихъ въ любой портерной. Когда зажгли елку, мистеръ завелъ музыкальный ящикъ, и комната огласилась звуками штраусовскаго вальса. Леди заглядывала въ изумленные глазки дѣтей, гладила ихъ по головкѣ, раздавала игрушки и визжала больше ихъ всѣхъ. Мистеръ сидѣлъ въ углу, куритъ свои папиросы и пускалъ длинныя струи дыма. Въ самый разгаръ веселья явилась дворничиха и заявила, что хозяинъ проситъ елку потушить, потому что это непорядокъ. Леди вдругъ вскинула.

— Фуй, какой необразованный, сквер-

Іюльскій день. Картина Пратта, грав. Гедаль.

ный мужик! — воскликнула она. — Дѣти хотятъ разъ въ годъ повеселиться, потому что это дѣтскій праздникъ, потому что теперь Христосъ маленький, и лежитъ въ ясляхъ, а онъ говоритъ про какой-то порядокъ.

— Онъ въ правѣ, Кэтъ, высказать свое мнѣніе, — остановилъ ее Гиббсъ. — Подите, женщина, къ вашему хозяину, и скажите, что я непременно елку потушу.

Когда она ушла, онъ завелъ въ ящикѣ новую пьесу и заставилъ дѣтей скакать, трубить въ трубы и бить въ барабаны. Поднялся страшный содомъ. Онъ принесъ сковороду изъ кухни и билъ въ нее молоткомъ, въ тактъ общему гаму. Самъ онъ изрѣдка издавалъ дикіе вопли, въ родѣ воинственныхъ криковъ команчей, и въ эти минуты потрясалъ въ воздухъ сковородой. Изъ кухни пришелъ дворникъ и сказалъ, что Оому Ивановича желаетъ видѣть хозяинъ.

Гиббсъ посмотрѣлъ на него холодно и сказалъ:

— Хорошо, непременно, скажи, что зайду.

— Они сейчасъ просятъ...

— Сей-часъ?.. Скажи, сейчасъ я извинюсь, — очень занятъ!

И онъ ударилъ снова въ сковороду.

Минутъ черезъ десять дворникъ, съ вспотѣвшимъ лицомъ, снова явился въ кабинетъ.

— Его степенство сами къ вамъ пришли, стоятъ на парадномъ, — заявилъ онъ. — Позвольте допустить.

— Не надо мужика! — крикнула леди.

— Скажи, что очень радъ, — милости прошу! — невозмутимо сказалъ мистеръ, и обратился къ дѣтямъ:

— Ребятишки! во всю!

Поднялся вой, вопли, крики. Самъ Гиббсъ танцовать по серединѣ кружка, а леди махала кочергой, дирижируя всѣми, и очень смахивая и лицомъ, и движеніями на вѣдму, явившуюся на шабашъ.

Почтеннаго коммерсанта сперва эти крики оглушили. Онъ сдвинулъ брови, углы рта его опустились и не предвѣщали ничего хорошаго. Онъ понялъ, что встрѣча была устроена специально для него.

— Тише! — кричалъ Гиббсъ, — молчите, дьяволята! Развѣ вы не видите этого джентльмена?

Наконецъ, леди Кэтъ, при помощи кочерги, кое-какъ возстановила порядокъ.

— Извините, — сказалъ Гиббсъ: — мы здѣсь устроили маленький праздникъ. — Будьте добры, мистеръ Бормоткинъ, присядьте.

— Я-съ просилъ, — все болѣе суясь, возразилъ мистеръ Бормоткинъ: — чтобы вы прекратили это...

— Что-съ?

— Да вотъ это... ликованіе.

— Ликованіе? Вашъ управляющій домомъ этого не передавалъ. Онъ сказалъ, что вы просите погасить елку, — и я ему общалъ. И погашу ее непременно, на ночь ее было бы оставлять опасно.

— Нѣтъ, ужъ вы сейчасъ... У меня постройки деревянные, долго ли до грѣха

— А у васъ не застраховано?

— Эта статья васъ не касается.

— Да вѣдь и та статья, что у меня елка, — тоже васъ не касается.

— И даже очень. Вотъ вы нищихъ со всего прихода собрали, а у меня на дворѣ полѣнницы сложены. Растащутъ — вы за нихъ не отвѣтите?

— Отчего же. По полѣну на брата — пятнадцать полѣнъ. Цѣлковый получите. Дороже не стоитъ.

— Цѣлковымъ вы меня не прельщайте, а Гоморру эту попросилъ бы прекратить совершенно и досканально. Это-съ дебошъ.

— А вы, почтеннѣйшій, вчера собственнаго первенца таскали за вихры, — вѣдь и это-съ дебошъ? Однако я не протестовалъ.

— Извините, я хозяинъ.

— Извиняю.

— И въ своемъ домѣ волѣнъ.

— Сыновей бить?

— И даже жильцовъ укрощать.

Онъ подошелъ къ елкѣ и задулъ ближнюю свѣчку.

Гиббсъ всталъ съ мѣста.

— Если вы, мистеръ Бормоткинъ, осмѣлитесь потушить еще одну маленькую свѣчку, я возьму васъ поперекъ вашего желудка, вынесу на дворъ и положу въ снѣгъ. А если ко мнѣ подойдетъ вашъ управляющій, я и его положу сверху васъ. Если вы всѣмъ этимъ будете недовольны, то обратитесь въ мое посольство, а вашей полиціи я не подчиненъ.

— Я васъ дольше марта держать въ жильцахъ не буду, — заговорилъ, весь дрожа, Бормоткинъ. — Извольте выѣзжать вонъ. Какъ контракту конецъ, такъ и вонъ.

Гиббсъ сѣлъ въ кресло и, положивъ ногу на ногу, такъ что онъ прилился выше его лица, сказалъ:

— Я выѣзжаю отъ васъ пятнадцатаго февраля. Если бы вы, и жена ваша, и всѣ сыновья три дня и три ночи стояли на колѣняхъ и слезно умоляли остаться, то и тогда я бы не остался. Я получаю правительственное назначеніе въ Египетъ, и выѣзжаю туда съ своей свитой въ концѣ февраля. Поняли? А теперь можете идти. При этомъ я вамъ запрещаю кланяться со мной при встрѣчѣ. Вы должны дѣлать видъ, что меня не замѣчаете, и смотрѣть прямо передъ собой. А теперь — разговоръ конченъ.

Онъ снова вскочилъ и грянулъ въ сковороду. Кочерга леди поднялась, — и общій гамъ наполнилъ комнату. Бормоткинъ плюнулъ и хлопнулъ дверью.

— Тише, бѣсноватые! — закричалъ Гиббсъ, увѣрившись, что хозяинъ ушелъ. — Пора по домамъ. Дождетесь того, что васъ хозяинъ всѣхъ перепоретъ. Забирайте подарки.

Поднялся новый гамъ, смѣхъ и слезы. Леди утѣшала и снаряжала ребятишекъ. Гиббсъ подошелъ со свѣчкой къ окну, посмотрѣлъ на термометръ и сказалъ:

— Ого, шестнадцать мороза!

Онъ зажегъ бензиновую печурку и началъ кипятить себѣ пуншъ. Когда ушли дѣти, онъ открылъ форточку, усьлся въ свое кресло и вопросительно посмотрѣлъ на леди.

— Что же, вѣдь надо кончать? — сказала она.

— Черезъ недѣлю будетъ кончено, — отвѣтилъ онъ. — Работы дня на три.

— Общано было раньше.

— Ледъ только теперь окрѣпъ.

— Вы когда, мистеръ Томасъ, думаете ѣхать?

— Сегодня.

— О! — вырвалось у нея. — Почему же въ такую ночь?

— Въ такую ночь лучше.

— Морозъ. Извините, я запру форточку.

— Завтра утромъ хорошо можно рыбу ловить.

Онъ посмотрѣлъ на часы.

— Черезъ часъ будутъ лошади, я ужъ заказалъ.

— Какія же ваши распоряженія? — спросила она.

— Вы возьмете, Кэтъ, съ собой этотъ портфель. —

Я возьму съ собой чертежныя принадлежности. — Если бы...

Онъ перешелъ на англійскій языкъ.

— Если бы почему-нибудь здѣсь былъ обыскъ, въ чемъ я сильно сомнѣваюсь, — это было бы для нихъ рискованно, — то кромѣ старыхъ журналовъ ничего не найдутъ. Вы знаете, я всегда на чеку, и, выходя изъ воротъ, знаю, что, быть-можетъ, мнѣ не будетъ расчета сюда вернуться.

— А гдѣ я васъ могу видѣть? Тамъ же?

— Ну, да, у Гуймы, въ томъ же помѣщеніи, и лучше всего поздно вечеромъ.

Онъ еще разъ посмотрѣлъ на часы и кликнулъ Петю.

— Иди ужинать въ дворницкую, — сказалъ онъ: — и черезъ полчаса будь дома.

Когда онъ ушелъ, мистеръ Гиббсъ и миссъ сидѣли нѣкоторое время молча. Потомъ она встала и близко подошла къ нему.

— Мнѣ будетъ жаль, Томасъ, если вы совсѣмъ уйдете, — сказала она.

Онъ пожалъ плечами и затынулся.

— Очень жаль, Томасъ. — Я къ вамъ такъ привыкла въ послѣдніе два года. Я люблю васъ, Томасъ.

— Уо! — сказалъ онъ, и посмотрѣлъ на нее снизу.

— Серьезно, — продолжала она, кладя ему руку на плечо. — Вы знаете, что я не молоденькая дѣвочка, способная на увлеченіе. Въ мои годы страсть является прочнымъ чувствомъ. Я васъ люблю, Томасъ. Скажите мнѣ одно слово, и я послѣдую за вами даже въ Гренландію и на Огненную Землю.

Гиббсъ снялъ ее руку съ своего плеча и поцѣловалъ.

— Мнѣ дорого ваше чувство, Кэтъ, — сказалъ онъ. — Но я не считаю себя въ правѣ принимать жертвы отъ какой бы то ни было женщины. Вы знаете мою должность, и должны согласиться, что въ этическомъ отношеніи можно сомнѣваться въ ея порядочности, хотя, конечно, можно все прикрыть патріотизмомъ. Сегодня я въ Россіи, на будущій годъ въ Австраліи, потомъ въ Египтѣ, въ Японіи, — буду тамъ, куда меня командируютъ. Я каждую минуту рискую быть если не повѣшеннымъ, то разстрѣляннымъ. При такихъ обстоятельствахъ связывать свою судьбу съ женщиной по меньшей мѣрѣ нечестно.

Она низко опустила голову.

— При томъ, Кэтъ, ваше положеніе блестяще. Вы, живя на всемъ готовомъ и имѣя уроки въ двухъ дворцахъ, болѣе чѣмъ обезпечены. Вы сами говорите, что откладываете въ годъ по пяти тысячъ. И бросить все это, чтобъ идти за несчастнымъ бродягой?

— Вы не бродяга, Томасъ, — восторженно сказала она. — Вы превосходный инженеръ и топографъ. Я не знаю, Томасъ, вашего настоящаго имени, да меня это и не интересуетъ. Я люблю въ васъ несокрушимую энергію, силу воли, презрѣніе къ опасностямъ. Но, конечно, разъ я не встрѣчаю взаимности — не о чемъ говорить. — Я тоже храбрая женщина, Томасъ. Я въ минуту опасности заступилась бы за васъ, какъ преданная собака. Я стрѣляю не хуже васъ изъ револьвера, и притомъ, какъ женщина, я хитрѣе васъ. Я могла бы провести вашихъ враговъ, направить ихъ въ ложную сторону... Но нечего теперь объ этомъ говорить. Вы не любите меня... Вопросъ конченъ.

Она вытерла глаза платкомъ и схватила его за руку.

— Но мы останемся друзьями навсегда, не правда ли? Вы не оттолкнете моей дружбы?

Онъ опять поцѣловалъ ее руку.

— Вы хорошее, славное существо, Кэтъ. Клянусь вамъ, если я рѣшусь когда-нибудь жениться, я женюсь на васъ.

— О, Томасъ! — воскликнула она, и хотѣла броситься къ нему на шею, но удержалась и прибавила: — А когда же это будетъ, Томасъ?

— Когда у меня будетъ состояніе въ сто тысячъ фунтовъ, по здѣшнему счету — въ миллионъ. Тогда я куплю себѣ коттеджъ и буду жить рантьеромъ.

— А вамъ много осталось? — осторожно спросила она.

— Въ этомъ году я перехожу на седьмой десятокъ, — отвѣтилъ онъ, и что-то въ родѣ торжествующей улыбки освѣтило его лицо.

На дворѣ брякнули бубенцы. Онъ подошелъ къ окну.

— За мной пріѣхала кибитка, — сказалъ онъ, и не

торопясь притянулъ къ себѣ миссъ. — Итакъ, черезъ пять-шесть лѣтъ, когда я скажу — «пора!», моя Кэтъ броситъ все и прилетитъ къ Томасу... Впрочемъ, нѣтъ, не къ Томасу, а къ Джерому... Да?

— Да, Джеромъ! — стыдливо отвѣтила миссъ, и опустила голову на его плечо.

XXXV.

Послышался стукъ отпиравшагося замка, и въ дверяхъ показалось возбужденное лицо Пети.

— Ома Ильичъ, за вами кронштадтка пріѣхала, — доложилъ онъ. — А потомъ, сейчасъ вотъ дворникъ...

Онъ даже задохнулся отъ волненія.

— Сейчасъ старшій дворникъ говоритъ, что хозяинъ такъ на васъ обозлился, что хочетъ жаловаться въ полицію. Онъ говоритъ, что вы не англичанинъ, а жида, и паспортъ у васъ не свой...

Гиббсъ посмотрѣлъ на Кэтъ.

— У этихъ идиотовъ иногда бываетъ нюхъ! — сказалъ онъ по-английски.

— Какъ, говоритъ, пройдутъ праздники, такъ я сейчасъ въ полицію, — продолжалъ мальчикъ.

— Очень хорошо, — сказалъ ему мистеръ. — Ну, а пока поѣдемъ рыбу ловить.

Петька такъ весь и вспыхнулъ отъ восторга.

— И меня берете?

— Надѣвай все теплое. На морѣ смерзнешь.

— Не смерзну! — весело откликнулся онъ, кидаясь на кухню.

Леди уже не было, когда Петя, въ валенкахъ и въ шапкѣ съ ушами, вошелъ въ кабинетъ. Онъ стащилъ въ кибитку погребецъ, еще какой-то сундучокъ и большую медвѣжью шубу.

— Я ѣду на три дня, — говоритъ Гиббсъ старшему дворнику: — ѣду на охоту, пожалуйста, чтобъ все было въ порядкѣ. Вотъ тебѣ праздничные.

Онъ сунулъ ему бумажку. Тотъ посадилъ его въ кибитку, прикрылъ его полостью. Ямщикъ тронулъ маленькихъ, сытыхъ, похожихъ на бѣлокъ, коньковъ. Рождественскій снѣгъ заскрипѣлъ подъ полозьями. Возокъ выѣхалъ за ворота и, гремя бубенцами, покатился къ Невѣ. Дворникъ заперъ ворота и, войдя въ дворницкую, развернулъ бумажку.

— Должно, ошибся! — сказалъ онъ женѣ.

— А что?

— Да десятирублевку сунулъ.

— Можетъ, фальшивая?

Онъ посмотрѣлъ на свѣтъ.

— Нѣтъ съ водяными видимостями, какъ слѣдуетъ.

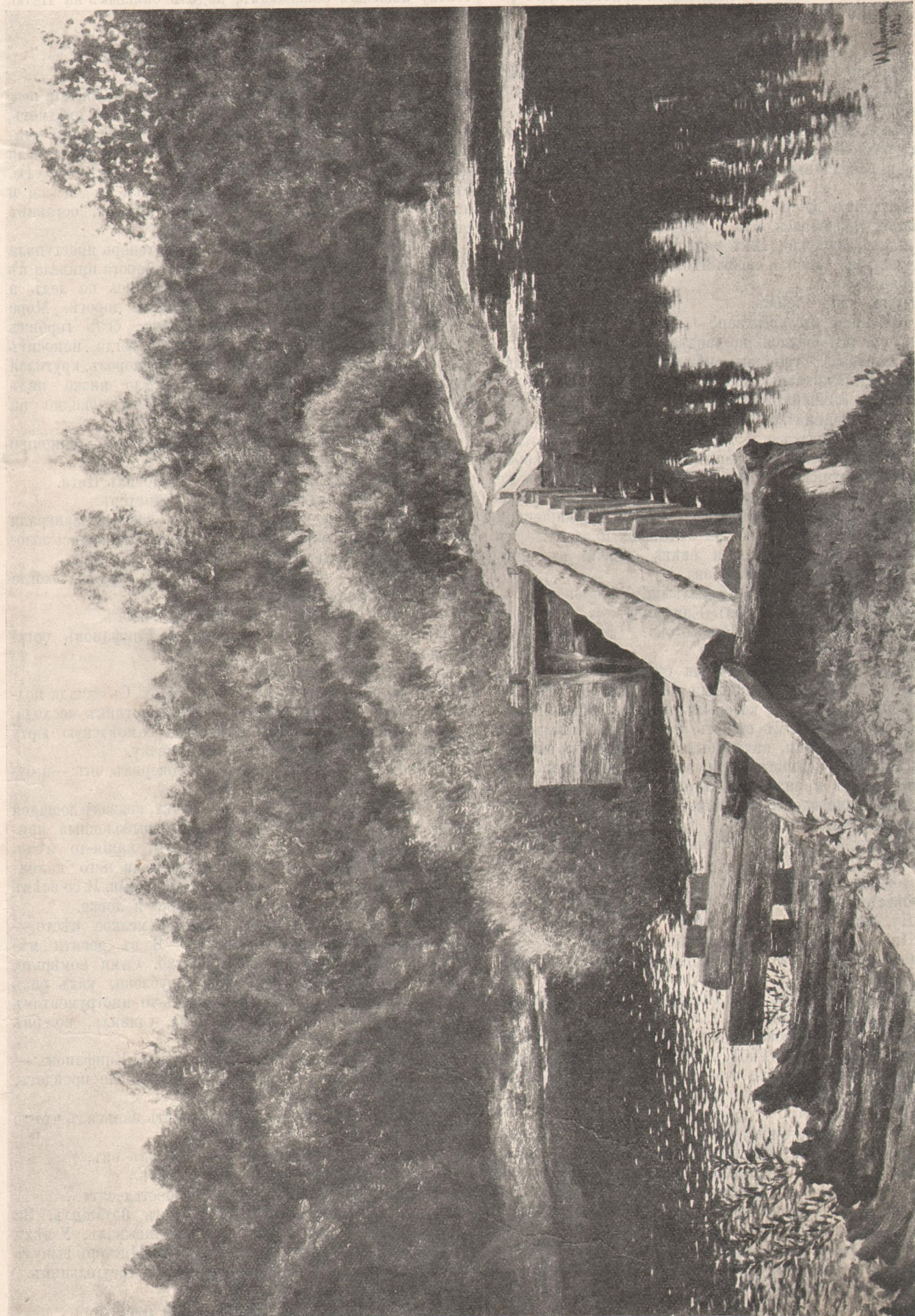
— Тутъ и моя трешница, — отозвался съ печки подручный.

— Жирно будетъ. Цѣлковый, какъ разъ тебѣ по мѣркѣ.

А тройка тѣмъ временемъ спустилась на ледъ Невы, взяла накосъ, мигомъ перенеслась на другую сторону, и мимо огромныхъ мрачныхъ зданій, съ арками и грузными колоннами, понеслась по залитымъ луною улицамъ. Звѣзды ярко горѣли, точно золотистый песокъ былъ разсыпанъ по черному бархату. Петя сидѣлъ подъ теплой мѣховой покрывкой и чувствовалъ себя до того счастливымъ, до того блаженнымъ, какъ никогда еще въ жизни. Гиббсъ казался ему какимъ-то добрымъ волшебникомъ и все вокругъ него волшебной сказкой. Пристѣжные скакали, и отшлифованныя снѣгомъ подковы сверкали на мѣсяцѣ, какъ зеркало. Иногда сухіе комки снѣга, какъ пули, залетали подъ кузовъ и больно царапали лицо. Но и это ощущеніе для мальчика было пріятнымъ. Вотъ пронесся мимо старинный мостъ съ гранитными большими башнями. Вотъ огромныя чугунныя ворота съ лошадьми наверху. Кибитка нырнула въ ихъ арку, и они очутились за городомъ. Гиббсъ молчалъ. Мальчикъ не рѣшался заговорить съ нимъ. Онъ при-

Грозный контраст. Картина Н. А. Сердюкова (XI Выставка СПб. Общества Художников), авт. «Нивы».

У омута. Картина И. Левитана, арт. «Нивы».

курнулъ въ уголъ и слышалъ, какъ безостановочно звенять бубенцы, и какъ неподвижно смотреть на него фосфорическій глазъ какой-то звѣзды. Потомъ глаза его стали слипаться. Недавній ужинъ и тепло шубы убояли его, и онъ тихо заснулъ.

Онъ проснулся отъ того, что бубенцы замолкли. Лошади стояли посреди дороги, и ямщикъ поправлялъ у коренной оголовокъ. На синемъ небѣ ясно рисовались огромныя башни, ворота и кресты. Въ окнахъ, несмотря на полночь, свѣтились огни. Два монаха стояли у воротъ и расплачивались съ извозчикомъ, и извозчикъ говорилъ:

— Батюшка, ваше благословеніе, для праздничка-то прибавьте. Зазнобился весь, дожидаясь у вокзала.

«А я не зазнобился, мнѣ тепло!»—радостно подумалъ Петя, закрылъ глаза и почувствовалъ, что возокъ снова тронулся въ путь.

Его разбудилъ Гиббсъ.

— Проснись, мы пріѣхали!

Петя мигомъ очнулся, но увидѣлъ, что они еще ѣдутъ. Справа тянулась огромная снѣжная пустыня, а слѣва шли холмы, покрытые снѣгомъ съ рядами ютившихся поверхъ ихъ домиковъ. Лошади, свернули съ дороги и стали тихо подниматься въ гору. Онъ вѣхалъ въ сонную темную улицу съ крестьянскими избами, и остановились у старой, какъ-то освѣвшей назадъ, избенки. Гиббсъ вылѣзъ и постучалъ въ окно. За окномъ сейчасъ же вспыхнулъ свѣтъ. Потомъ на крытомъ крылечкѣ показался фонарь. Темная фигура прошла по расчищенной дорожкѣ до калитки, щелкнула засовомъ и подошла къ повозкѣ. При колышущемся свѣтѣ огарка въ немъ можно было признать Елифанова.

— Какъ дѣла?—спросилъ, вылѣзая, Гиббсъ.

— Дѣла ничего,—отвѣтилъ Елифановъ.

— Ёдемъ на разсвѣтъ? Все готово?

— Готово.

Путники вошли черезъ темныя сѣни въ просторную комнату, оклеенную грошовыми обоями. По стѣнамъ стояли двѣ кровати, на которыхъ вмѣсто матрасовъ положены были мѣшки съ сѣномъ, на столѣ стояла такая же бензиновая кухня, какая была у Гиббса въ Петербургѣ, а рядомъ—дорогая рабочая лампа, которую Елифановъ тотчасъ принялся зажигать.

— А не замерзнемъ на заливѣ?—спросилъ мистеръ, снимая валенки.

— Ничего,—успокоилъ старикъ.—Печку возьмемъ затопимъ.

— Лошади готовы?

— Овесь ѣдятъ.

— Ну, ужъ нажарилъ ты здѣсь!

— Ничего. Теплѣе. Я ждалъ васъ къ утру.

Гиббсъ увидѣлъ, что Петя таращитъ глаза, а самъ спитъ стоя.

— Ложись,—сказалъ ему мистеръ:—только не раздѣвайся, на разсвѣтъ поѣдемъ.

Молодой, крѣпкій сонъ снова охватилъ мальчика. Онъ смутно слышалъ, какъ Гиббсъ закуривалъ сигару, и какъ Елифановъ рассказывалъ, что восемь прорубей было, и что если даже ихъ затянуло морозомъ, то ледъ хрупкій, проткнутъ легко.

— Хрупкій ледъ,—повторялъ онъ:—проткнутъ легко.

Во снѣ онъ опять услышалъ бубенцы, увидѣлъ леди, рассказывающую про апостола, про освѣщенную ночью церковь, и не могъ сообразить: во снѣ онъ видѣлъ, или нѣтъ, освѣщенныя монастырскія окна, и черныхъ монаховъ у высокихъ круглыхъ воротъ.

Слегка свѣтало, когда разбудили опять его. Ему дали горячую кружку молока и кусокъ холоднаго пирога.

— Ышь,—посоветовалъ Гиббсъ:—а то съ голода подохнешь.

Самъ Гиббсъ оканчивалъ уже третій стаканъ пунша, и былъ такъ же спокойно бодръ, какъ всегда. Они заку-

тались; Гиббсъ надѣлъ простой мужицкій полушубокъ, голову повязалъ башлыкомъ, надѣлъ башлыкъ на Петю, и сказалъ:

— Трогаемся.

— Я впередъ поѣду,—сказалъ Елифановъ.

— Поѣзжай,—сказалъ Гиббсъ.

Переднія санки представляли изъ себя чухонскія розвальни. Подъ рогожей лежалъ какой-то круглый предметъ, потомъ что-то длинное,—и все это было прикрыто старымъ, толстымъ рыбачьимъ парусомъ. Вторыя санки были поудобнѣе; но и въ нихъ лежали какія-то сѣти и шесты. Сюда сѣлъ Гиббсъ съ мальчикомъ, взялся за вожжи и началъ осторожно спускаться съ горы лошадь, оставивъ старика прѣхать сажень сто впередъ.

Въ полутьмѣ зарождающагося дня, теперь проступала передъ ними снѣжная равнина моря. Дорога привела къ пологому берегу; потомъ лошади спустились на ледъ и побѣжали рысцой по намѣченной елками дорогѣ. Море въ этотъ годъ застыло ровнымъ слоемъ, безъ горбинъ и ухабовъ, какъ это иногда бываетъ, когда наноситъ съ востока невскій ледъ. Несмотря на морозъ, крутился рѣдкій снѣжокъ, и сѣрое небо висѣло низко надъ самыми головами. Вокругъ никого не было видно на нѣсколько верстъ.

— Ну, если снѣгъ разойдется, плохо дѣло!—точно про себя пробормоталъ Гиббсъ.

— А что, рыба плохо клюетъ?—спросилъ Петя.

— Да... плохо клюетъ,—отвѣтилъ мистеръ.

Но снѣгъ скоро прошелъ. На юго-востокѣ заиграли желтые отблески зари, и навстрѣчу ей отозвались золотистыми блесками крупинки снѣга.

— Говорятъ, на Рождество солнце играетъ, когда вѣтаетъ,—сказалъ Петя.

— А вотъ посмотри,—предложилъ Гиббсъ.

Они прѣехали еще версты двѣ, и Елифановъ остановился.

— Здѣсь,—сказалъ онъ.

Вокругъ попрежнему никого не было. Съ запада поднялся рѣзкій острый вѣтерокъ,—предвѣстникъ восхода. Старикъ ловко раскинулъ маленькую самодѣльную юрту и втащилъ туда круглую чугунную печку.

— Сейчасъ керосину нальемъ,—говорилъ онъ:—и будетъ у насъ тепло, какъ въ банѣ.

Онъ налилъ керосинъ, зажегъ печку, связалъ лошадей морда къ мордѣ и сталъ вытаскивать рыболовныя принадлежности. Тутъ были сѣтки, шесты, какія-то цѣпи. Потомъ явился дубовый треножникъ, а на него навинтился мѣдный кругъ съ какими-то трубками. И со всѣмъ этимъ Елифановъ обращался увѣренно и ловко.

— Тутъ, идѣ палки торчатъ, самое мелкое мѣсто,—сказалъ онъ, показывая къ сѣверу.—Я въ десяти мѣстахъ проруби рубилъ. Совсѣмъ мелко. Сами помѣрьте.

Гиббсъ въ полынь, что была вырублена, какъ разъ возлѣ разбитой юрты, мѣрилъ какимъ-то инструментомъ глубину. Результатъ его, повидимому, удивилъ, но онъ записалъ его въ книгу тщательно.

— А тамъ еще мельче,—сказалъ, смѣясь, Елифановъ:—тамъ совсѣмъ мелко; ни одинъ паракотъ не пройдетъ, на мель сядетъ.

Гиббсъ посмотрѣлъ въ трубку и опять записалъ что-то въ книжку.

— Туда пятьдесятъ сажень?—спросилъ онъ.

— Да, я шагами мѣрилъ. Пятьдесятъ.

— Знаю я твои шаги. Значитъ, шестьдесятъ...

Онъ велѣлъ Петѣ тащить цѣпь. Онъ потащилъ. За нимъ по пятамъ шелъ Гиббсъ, и все записывалъ. У вѣхи проруби затянуло тонкимъ слоемъ льда. Мистеръ вынулъ изъ-за пояса топоръ и ловко прорубилъ треугольникъ.

— Ну-ка, давай сюда...

И онъ пропустилъ въ треугольникъ ядро лота.

Солнце стало всходить. Но оно не играло, а ровнымъ багровымъ шаромъ поднималось изъ-за далекихъ зубча-

тыхъ лѣсовъ. Если бы даже кто-нибудь наблюдалъ за тѣмъ, что дѣлаетъ Гиббсъ, изъ далекаго кронштадтскаго форта, который грозной крѣпостью вздымался на ледяномъ морѣ, то и тогда ни въ какую трубу нельзя было бы ничего различить, такъ какъ сзади его ярко сіяло солнце и мѣшало различать что бы то ни было.

Надо было отдать справедливость Гиббсу: онъ работалъ быстро и неутомимо. Петя бѣгомъ шелъ отъ вѣхи до вѣхи, а Гиббсъ мѣрнымъ шагомъ поспѣвалъ за нимъ. Пока шли, было тепло. Когда останавливались у проруби, ледяной холодъ охватывалъ ихъ. Солнце не могло нагрѣть этого колющагося полярнаго воздуха.

И по мѣрѣ того, какъ солнце двигалось вправо, правѣе двигались и они, все время не нарушая солнечной линіи по направленію форта. Въ мѣхѣ тяжело было работать, и Петя уставалъ. Ему разломило спину; но ему стыдно было въ этомъ сознаться, и онъ черезъ силу вытаскивалъ свои валенки изъ снѣга.

На одномъ сугробѣ онъ споткнулся, упалъ и не могъ встать.

— Чего ты?—удивился мистеръ.

Онъ заглянулъ въ его лицо, и понялъ, въ чемъ дѣло. Откупоривъ склянку, онъ налилъ стаканъ.

— Ну-ка, хвати.

Мальчикъ хватилъ. Коньякъ обжегъ его всего. Гиббсъ посмотрѣлъ на часы.

— Ито пора. Пять часовъ отзвонили. Время завтракать.

Петя всталъ и, еле переставляя ноги, поплелся за нимъ.

— Эге! слабъ, малецъ!—сказалъ Гиббсъ.—Тобой, братецъ, надо заняться. Бѣлоручка. Отвыкъ отъ дѣла. Ну, да не робѣй.

Они доплелись до самоѣдскаго чума. Внутри было градусовъ двадцать пять жары. Чугунная печка пылала. Подъ нею ледъ видимо опустился.

— Еще черезъ часъ она провалится, — засмѣялся Гиббсъ.—Ну, а ты, Елифановъ, много наловилъ?

— Ничего неловится, — спокойно возразилъ Елифановъ.

— Ну, вотъ мы обогрѣмся малость, закусимъ, и за работу.—А впрочемъ, малышъ отдохнуть долженъ; на сегодня пусть ему будетъ праздникъ. Мы съ тобой пойдемъ, и все сдѣлаемъ. Хочешь коньяку?

— Можно, — осклабился старикъ.

— Скажи, Елифановъ, — началъ Гиббсъ, когда они выпили по стакану:—что ты говоришь своимъ, когда они спрашиваютъ тебя о твоихъ работахъ на заливѣ? Вѣдь они не вѣрятъ, что ты рыбу ловишь.

— Не вѣрятъ. Смѣются.

— Такъ какъ же, если смѣются, что ты говоришь?

— Я говорю, что ищу, гдѣ ледъ крѣпче. Что я ледъ подрадилъ, значитъ, въ Кронштадтъ доставлять.

— И вѣрятъ тебѣ?

— А почему я знаю? И я развѣ знаю, что вы дѣлаете? что-то мѣряете, да не все ли мнѣ равно? Я знаю, вы мнѣ платите, много денегъ даете, и мнѣ что-жъ больше...

— А я скоро уѣду, Елифановъ.

— Да ну?

— И мы больше никогда не увидимся, Елифановъ, такъ какъ въ Россію не вернусь. Но я тебя поблагодарю передъ отъѣздомъ. Ты честный человѣкъ, Елифановъ.

— Я что-жъ, я честный, — подтвердилъ Елифановъ.

— Вы хотѣли свою избу имѣть. Присмотрите подходящую, которая продается. Я куплю вамъ.

Елифановъ приподнялъ шанку и сказалъ: «спасибо», но на лицѣ своемъ ничего не выразилъ.

XXXVI.

Три дня подъ рядъ выѣзжали они на разсвѣтѣ въ море. Петя привыкъ къ работѣ въ полушубкѣ, и хотя морозъ все крѣпчалъ съ каждымъ днемъ, но онъ къ нему сталъ менѣе чувствительнымъ. Щеки и носъ, чтобъ они не отмерзли, онъ каждое утро мазалъ гусинымъ жиромъ. Онъ много ѣлъ, много спалъ, много работалъ. День проходилъ незамѣтно. Старуха, сестра Елифанова, готовила

имъ обѣдъ. Она когда-то служила въ кухаркахъ въ Петербургѣ, и потому готовить умѣла. По вечерамъ Гиббсъ усердно записывалъ что-то въ книжку и заносилъ цифры на какой-то складной чертежъ, который носилъ на груди. Елифановъ молча курилъ, а Петя дремалъ въ углу.

На четвертый день ихъ пребыванія въ приморской деревушкѣ, въ сумеркахъ, едва они успѣли отобѣдать, подъ окнами послышался скрипъ полозьевъ и фырканье лошадей. Мистеръ Гиббсъ насторожился; записная книжка мигомъ очутилась въ его карманѣ; онъ нащупалъ рукой револьверъ и ждалъ. Елифановъ тоже насторожился.

Въ окно послышалось четыре удара.

— Это миссъ Кэтъ, — сказала мистеръ.—Встрѣть ее, Елифановъ.

Елифановъ зажегъ фонарь и пошелъ навстрѣчу. Она уже всходила на крыльцо, и ему оставалось только пропустить ее въ двери. Она вошла и внесла съ собой свѣжій морозный воздухъ.

— Я съ важными вѣстями, — заговорила она по-англійски:—кажется, дѣло плохо.

— А именно?—невозмутимо спросилъ Гиббсъ.

— Сюда пріѣдутъ слѣдить за вами.

— Когда?

— Не знаю.

— Мнѣ осталось на одинъ день работы. Завтра кончаю. Но завтра очень важная провѣрка.

— Будьте осторожны, Томасъ.

— Я всегда остороженъ, Кэтъ.

— Вы знаете, Томасъ, что произошло?

— Вы говорите, миссъ Кэтъ, слишкомъ по-женски. Какъ я могу знать то, что случилось за пятьдесятъ верстъ?

— Какъ я люблю ваше хладнокровіе, Томасъ.

— Я всегда готовъ ко всему.

— Сегодня я заѣзжала къ вамъ, туда на Островъ. Ко мнѣ вышелъ старшій дворникъ, и говоритъ мнѣ по секрету. Онъ всегда мнѣ все говоритъ по секрету, потому что вы знаете, какъ я всегда щедро даю имъ на чай. Вчера ночью у Ѳомы Ивановича былъ обыскъ. Пріѣхали, я вамъ не могу сказать, кто, велѣли отворить ваши двери, и все обыскали. Потомъ спрашивали, куда уѣхалъ Ѳома Ивановичъ; дворникъ сказалъ: «на рыбную ловлю, общали сегодня быть назадъ». Когда все это дворникъ мнѣ сообщилъ, я тотчасъ же полетѣла на вокзалъ, пріѣхала за минуту до отхода поѣзда, прискакала въ Ораніенбаумъ, и оттуда взяла извозчика.

Гиббсъ помолчалъ.

— Я не знаю, осторожно ли вы поступили, или неосторожно, пріѣхавши сюда. Быть-можетъ, хорошо, что вы меня предупредили, а быть-можетъ, этимъ вы показали путь, какъ до меня добраться. Но, во всякомъ случаѣ, есть хорошая сторона вашего поѣзда: вы сейчасъ же увезете съ собой все, что у меня готово. Это не особенно большой свертокъ. Вдобавокъ, останутся только послѣднія цифры глубины дна, ихъ потомъ мы проставимъ на соответствующихъ мѣстахъ.

— Хорошо, Томасъ, вы мнѣ дадите свертокъ, — сказала она.—Я рада, что застала васъ.

— Вамъ холодно, Кэтъ? Хотите пуншу?

— Съ удовольствіемъ, Томасъ.

Онъ зажегъ бензину.

— Я васъ самъ свезу, Кэтъ, на станцію. Только я не подвезу васъ къ вокзалу, а спущу на углу.

— Хорошо, Томасъ.

— А потомъ я вернусь сюда, и, быть-можетъ, въ течение этой ночи окончу работы.

Онъ позвалъ Елифанова и велѣлъ заложить рыжью въ легкія санки.

— Когда же я васъ увижу, Томасъ?—спросила она.—Вы вернетесь въ Петербургъ?

— Непремѣнно вернусь. Я не хочу, чтобы думали про меня, что я скрываюсь. Но если бы сегодня ночью что-нибудь случилось, ну тогда я тотчасъ же выѣду за границу

— А у васъ есть паспортъ?

— Есть.

— Васъ не остановятъ?

— Нѣтъ. Мой паспортъ на имя Альфреда Мекензи. Если по телеграфу съ границы спросятъ объ этомъ лицѣ, то трое высокопоставленныхъ лицъ поручатся за его благонадежность, какъ за лично имъ извѣстнаго.

— А вы гдѣ перейдете границу?

— Не знаю. Можетъ-быть, въ Одессѣ, можетъ-быть, въ Персін, можетъ-быть, возлѣ Полангена въ Помераніи, можетъ-быть, на Границѣ. Въ такихъ случаяхъ нужно дѣйствовать по вдохновенію.

— Вы одинъ поѣдете?

— Мнѣ бы хотѣлось съ собой взять мальчика. Онъ очень расторопенъ и выносливъ. Я одѣну его въ ливрею, и онъ будетъ моимъ нажемъ. У меня есть паспортъ на мальчика Стефенсона:

— Зачѣмъ же, Томасъ, онъ вамъ за границей?

— Онъ? Онъ мнѣ очень полезенъ. Онъ не знаетъ ни одного языка, кромѣ русскаго, и потому ни на какіе разпросы не можетъ отвѣчать, гдѣ бы со мной ни былъ.

— Но онъ скоро выучится, Томасъ, всѣмъ языкамъ, въ этомъ отношеніи русскіе очень воспріимчивы.

— Не выучится. Я его буду держать возлѣ себя. Онъ меня болѣе удовлетворяетъ собою, чѣмъ какой бы то ни было типъ слуги. Онъ скверно читаетъ, но я его выучу и писать, и читать. Онъ будетъ моимъ секретаремъ, и всѣ мои записки будетъ вести по-русски. Я нарочно выучился съ такимъ адскимъ трудомъ русскому языку, чтобы имѣть возможность вести записныя книжки начертаніемъ, совершенно невѣдомымъ для полицейскихъ агентовъ. Здѣсь, въ Россіи, я все пишу на смѣси ирландскаго языка съ шотландскимъ, стараясь возможно больше держаться народнаго говора. Я думаю, вы сами едва ли повяли бы мои замѣтки.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Бѣлая лилія. Картина Б. Оффора, авт. «Нивы».

Одесса. Средній Фонтанъ. Рисунокъ А. Медвѣдева, арт. «Нивы».

Событія въ Одессѣ и бунтъ на броненосцѣ „Князь Потемкинъ“.

(Съ 14 рис. на стр. 549, 550, 551, 552 и 553).

Около 20-го іюня мѣсяца всю Россію облетѣли слухи о какихъ-то ужасныхъ происшествіяхъ въ Одессѣ, сопровождавшихся пожарами, грабежами и убійствами. Къ сожалѣнію, эти зловѣщіе

на «Князь Потемкинъ-Таврическомъ» обрисовывается въ общихъ чертахъ въ слѣдующемъ видѣ. Броненосецъ вышелъ изъ Севастополя въ воскресенье, 12 іюня, находясь подъ командой капитана

1-го ранга Голикова, въ Тендровскій заливъ для производства опытной стрѣльбы вмѣстѣ съ состоявшимъ при немъ миноносцемъ № 267, подъ командой лейтенанта Клодтъ-фонъ-Юргенсбургъ. Во вторникъ, 14 іюня, судовая команда, подъ предлогомъ, якобы, недоброкачества привезеннаго изъ Одессы миноносцемъ мяса, отказалась принимать въ пищу борщъ. По распоряженію командира,

Къ событіямъ въ Одессѣ. Сгорѣвшіе и затонувшіе пароходы „Платонъ“, „Сергій“ и „Екатерина“. По фот. Пудичева авт. «Нивы».

слухи вскорѣ подтвердились, — и уже 21-го іюня въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» появилось правительственное сообщеніе, въ которомъ содержалось описаніе беспорядковъ и неслыханнаго разгрома, учиненнаго буйною чернью въ одесскомъ портѣ, и неслыханнаго, небывалаго въ Россіи бунта матросской команды на броненосцѣ черноморской эскадры «Князь Потемкинъ-Таврическій».

Вотъ, что между прочимъ гласитъ упомянутое правительственное сообщеніе:

Усиленію среди рабочаго населенія города Одессы броженія, перешедшаго 15-го іюня въ открытый мятежъ, сопровождавшійся убійствами, грабежами и поджогами, — способствовало слѣдующее, хотя и не состоящее въ непосредственной связи съ обнаружившимися ранее беспорядками въ Одессѣ, прискорбное, позорное и безпримѣрное въ лѣтописяхъ русскаго флота событіе: въ 4 часа утра этого дня на одесскій рейдъ пришелъ изъ Тендровскаго залива броненосецъ черноморской эскадры «Князь Потемкинъ-Таврическій», отъ борта которого отвалила шлюпка съ трупомъ мертвца матроса. Покойникъ сопровождавшими его матросами былъ положенъ на молу съ припиленной на груди запиской, гласившей, что матросъ Омельчукъ убитъ офицеромъ невинно за высказанное имъ недовольство пищей, что всѣ офицеры броненосца убиты командой и съ броненосца отвѣтять орудійнымъ огнемъ по городу, если со стороны начальства порта сдѣланы будутъ попытки убрать трупъ или приблизиться къ судну.

Къ мѣсту, гдѣ положенъ былъ покойникъ, стали двигаться изъ города тысячи рабочихъ, и возбужденіе среди нихъ все болѣе росло.

команда была собрана на шканцы, гдѣ старшій офицеръ — капитанъ 2-го ранга Гиляровскій — приказалъ выступить передъ фронтомъ тѣмъ изъ нижнихъ чиновъ, которые не отказываются отъ принятія пищи, т. е. не участвуютъ въ протестѣ, выраженномъ въ столь рѣзкой формѣ. Когда же передъ фронтомъ выступило большинство изъ судовой команды, то старшій офицеръ сталъ записывать имена недовольныхъ, составляющихъ меньшинство. Воспользовавшись этой минутой, послѣдніе схватили изъ пирамидъ ружья и стали ихъ заряжать имѣвшимися у нихъ патронами. Приказаніе стрѣлять въ бунтовщиковъ, отданное караулу старшимъ офице-

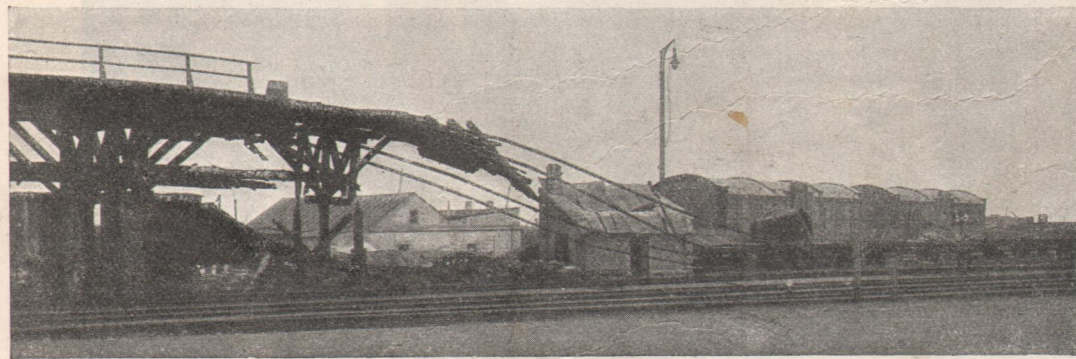

Къ событіямъ въ Одессѣ. Катеръ, взявшій одинъ изъ пароходовъ на буксиръ, посланный за углемъ съ броненосца „Кн. Потемкинъ-Таврическій“. По фот. Пудичева авт. «Нивы».

ромъ, осталось не исполненнымъ, и тогда послѣдніе выхватили у ближайшаго караульнаго ружье и произвели въ одного изъ матросовъ два или три выстрѣла, ранивъ его смертельно. Затѣмъ возбунтовавшіеся нижніе чины стали залпами стрѣлять въ офицеровъ, отыскивая ихъ по одиночкѣ въ разныхъ мѣстахъ судна. Такъ былъ убитъ, въ числѣ прочихъ, и командиръ броненосца. Нѣкоторые изъ офицеровъ бросились въ море, но ихъ и здѣсь постигла смерть, такъ какъ и въ воду, по словамъ очевидцевъ, производились выстрѣлы и даже изъ 47-миллиметровыхъ пушекъ. Погибли насильственной смертью отъ рукъ судовой команды, кромѣ командира броненосца, старшій офицеръ Гиляровскій, лейтенанты Неупокоевъ и Тунъ, мичманъ Григорьевъ 4-й, прапорщикъ Ливенцовъ, врачъ Смирновъ и около 30 человекъ судовой команды. Остальные, въ томъ числѣ команда миноносца, въ который съ броненосца стрѣляли залпами или изъ мелкихъ орудій, были терроризованы бунтовщиками, арестовавшими оставленныхъ въ живыхъ офицеровъ. На броненосцѣ составилъ комитетъ изъ 20 нижнихъ чиновъ, принявшихъ на себя командование судномъ и постановившихъ идти въ Одессу,

на рейдъ котораго и прибыли вечеромъ, 14 іюня, а утромъ, 15 іюня, спустили шлюпку съ трупомъ матроса.

16 іюня на рейдъ города Одессы вошло портовое судно «Вѣха», которое, по сигналу съ «Князя Потемкина-Таврическаго», стало на якорь за кормой броненосца. Ничего не зная о бунтѣ, происшедшемъ на броненосцѣ, командиръ «Вѣхи» отправился на «Князя Потемкина-Таврическаго» представить командиру рапортъ, какъ

Къ событіямъ въ Одессѣ. Остатки сгорѣвшей эскадры у приморской лѣстницы. По фот. Пудичева авт. «Нивы».

Когда же для провѣрки извѣстія объ убійствѣ и для снятія показаній прибылъ на шлюпкѣ вмѣстѣ съ портовымъ начальствомъ товарищъ прокурора одесскаго окружнаго суда, матросы съ угрозами и бранью заставили его удалиться.

На основаніи показаній одного оставшагося въ живыхъ изъ офицеровъ судоваго состава, а также матроса, ночью бросившагося съ борта судна въ воду и достигшаго берега вплавъ, происшедшее

старшему на рейдѣ. Съ прибытіемъ на броненосецъ, командиръ «Вѣхи» былъ обезоруженъ и насильно свезенъ на берегъ вмѣстѣ съ другими своими офицерами. Въ Одессѣ «Князь Потемкинъ-Таврическій» захватилъ два парохода съ углемъ, составляющихъ собственность частныхъ лицъ, который были ими погружены при содѣйствіи около 300 рабочихъ порта. Въ то же время взбунтовавшаяся команда принудила прекратить работу всѣхъ рабочихъ въ порту и на частныхъ пароходахъ. Вскорѣ нормальная дѣятельность въ порту прекратилась, и онъ оказался во власти бунтовщиковъ.

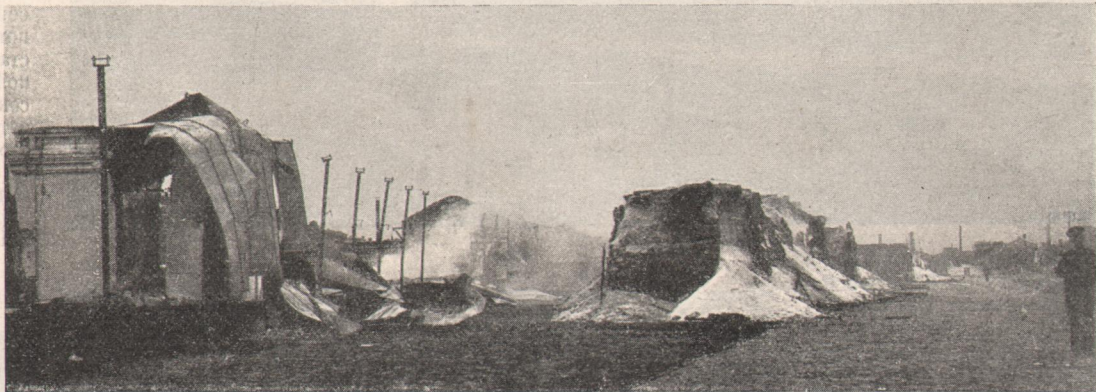
Хотя къ этому времени власть въ городѣ была уже передана командующему войсками одесского военного округа, сдерживать отъ безчинства на территории порта многотысячную толпу рабочихъ оказалось невозможнымъ, такъ какъ, если бы войска прибѣгли къ оружію, они подверглись бы амфиладному обстрѣлу изъ орудій броненосца. Портъ оказался во власти черни, которая бросилась повально грабить все безъ разбора—пакгаузы, частные склады, портовые зданія, паро-

ходы, бросала въ море товары, распивала вино изъ разбиваемыхъ винныхъ боченковъ. Съ наступленіемъ сумерекъ начались поджоги, вскорѣ принявшіе ужасающіе размѣры. Выгорѣла почти вся территория порта, такъ какъ толпа не допускала къ тушенію огня пожарныхъ. Согласно донесеніямъ мѣстныхъ властей, истреблены огнемъ два желѣзныхъ пакгауза и передаточная Русскаго Общества пароходства и торговли, агентство и пакгаузы Дунайскаго пароходства, складъ шпалъ и досокъ на Платоновскомъ молѣ, электрическая станція, станція Одесса-портъ, управление капитана надъ портомъ, эстакада отъ 8 до 9 устоя на Новомъ молѣ, пакгаузы Русскаго Общества, Россійскаго и Кошкина, отдѣленіе корабельной конторы на Платоновскомъ молѣ, часть угольного склада на Новомъ молѣ и всѣ постройки Практической гавани. Кромѣ того, сгорѣло 20 вагоновъ, два парохода Россійскаго Общества, одинъ Русскаго, три частныхъ. Въ желѣзнодорожныхъ пакгаузахъ окна разбиты и вещи разграблены; все имущество изъ складовъ и пакгаузовъ разграблено и унесено въ городъ. Во время пожара сгорѣло, согласно донесеній, не мало бунтовщиковъ и грабителей, оцѣнившихъ до потери сознания отъ выпитого вина.

На другой день, 16-го іюня, по состоявшемуся Высочайшему повелѣнію, въ Одессѣ и въ уѣздѣ объявлено было военное положеніе. Городъ со всѣхъ сторонъ былъ скованъ кольцомъ войсковыхъ частей, притянутыхъ изъ лагерного расположенія, и безпорядки прекратились.

Въ 7 часовъ вечера, того же 16-го іюня, броненосецъ «Князь Потемкинъ-Таврическій», которымъ изъ числа арестованныхъ командой офицеровъ были высажены на берегъ 9 человекъ, отошелъ на подмилы къ западу отъ своего первоначальнаго мѣста стоянки и далъ три холостыхъ выстрѣла, положенныхъ по морскому уставу

кадрѣ въ полной боевой готовности. Когда «Князь Потемкинъ-Таврическій», прорѣзывая строй эскадры, поравнялся съ броненосцемъ «Георгій Побѣдоносецъ», на послѣднемъ была устроена овація «Князю Потемкину-Таврическому», и, когда встѣлъ за этимъ эскадра, по сигналу адмирала, повернула на обратный курсъ, команда на «Георгіи» бросилась на мостики и не позволила управлять судномъ. Вслѣдъ за этимъ на «Георгіи» была спущена шлюпка, на которой командиръ и всѣ офицеры броненосца, кромѣ лейтенанта Григоркова, который застрѣлся, были обезоружены и доставлены на

Къ событіямъ въ Одессѣ. Сгорѣвшіе склады съ солью и остатки грудъ соли. По фот. Пудичева авт. «Нивы».

баркасѣ на берегъ. Для управленія броненосцемъ составлена была комиссія изъ 20 человекъ. Одна среди команды «Георгія Побѣдоносца» происходили несогласія. По прибытіи обоихъ броненосцевъ на одесскій рейдъ, «Потемкинъ» даже угрожалъ «Георгію» разгромить его изъ тяжелыхъ орудій въ случаѣ его отбытія въ Севастополь, на присоединеніе къ остальной эскадрѣ. Въ концѣ концовъ благоразумная часть команды «Георгія» взяла перевѣсъ. «Георгій Побѣдоносецъ» вошелъ въ одесскій портъ, а «Потемкинъ» ушелъ въ море въ западномъ направленіи. Командою «Георгія» были посланы командующему войсками въ г. Одессѣ боцманъ и нѣсколько матросовъ съ изъявленіемъ покорности и съ просьбой о возвращеніи на судно ихъ офицерскаго состава.

19-го іюня генераль-отъ-кавалеріи Кахановъ имѣлъ счастье всеподданнѣйше донести Его Императорскому Величеству, что команда «Георгія Побѣдоносца», выражая полное раскаяніе въ дерзновенно содѣянномъ, возлагаетъ свое упованіе на Монаршее милосердіе; при этомъ команда, выдавъ 67 человекъ наиболѣе виновныхъ, принесла присягу со слезами раскаянія. Послѣ этого командиръ и офицеры «Георгія Побѣдоносца» вступили въ исполненіе своихъ обязанностей.

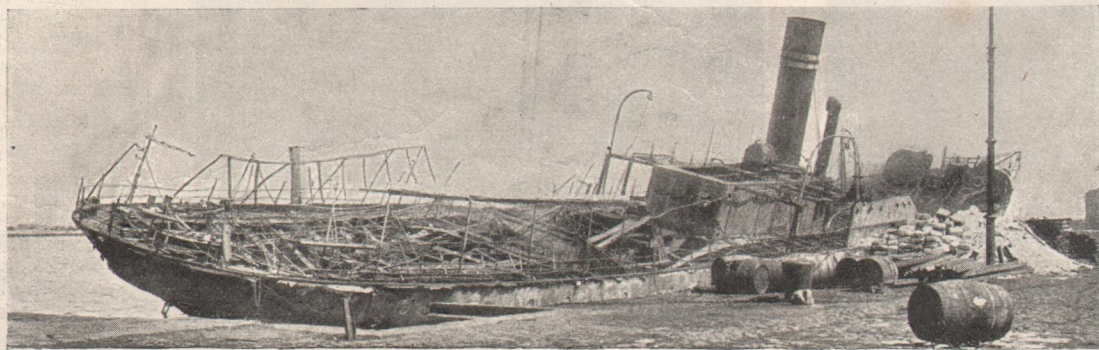
На имя управляющаго морскимъ министерствомъ прислана 20-го іюня старшимъ флагманомъ черноморскаго флота вице-адмираломъ Кригеромъ слѣдующая телеграмма:

«На транспортѣ «Прутъ», по выходѣ его изъ Тендры, взбунтовалась команда, которая арестовала командира и офицеровъ, убивъ прапорщика Нестерцева и боцмана Козлитина. «Прутъ» прибылъ въ Севастополь. Команда раскаялась, выпустила командира и офицеровъ. Просила ихъ принять надъ ними командованіе».

Одесса пережила тяжелые дни. Страхъ, перенесенный ея жителями во время боевыхъ выстрѣловъ съ «Потемкина», не поддается описанію. Убытки, понесенные пароходными обществами, желѣзною дорогою, городомъ и частными лицами, нельзя пока точно исчислить; во всякомъ случаѣ они превышаютъ колоссальную сумму въ нѣсколько миллионъ рублей.

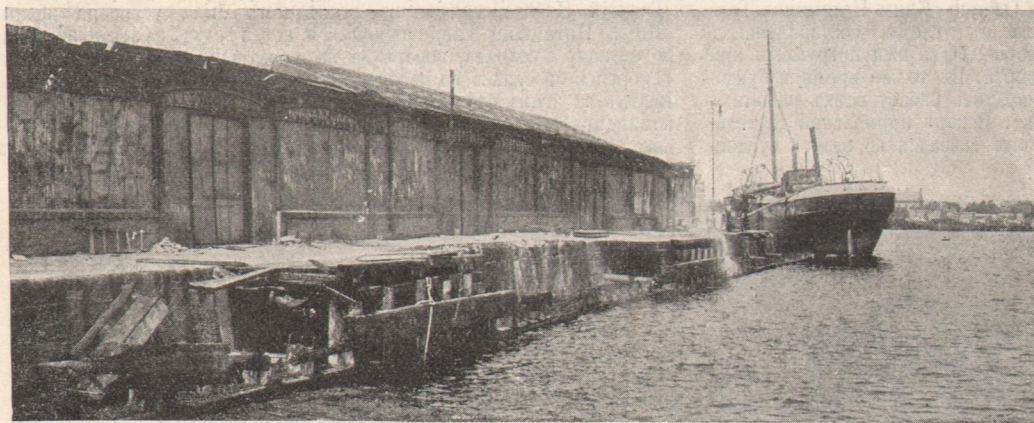
Вслѣдъ за Одессой «Потемкинъ» терроризировалъ все крымско-кавказское побережье. Предварительно, впрочемъ, онъ направился въ Румынію—добывать съѣстные припасы и уголь.

19 іюня взбунтовавшійся броненосецъ вмѣстѣ съ миноносцемъ № 267 прибылъ въ румынскій портъ Констанцу. Въ половинѣ седьмого вечера на разстояніи 2½ километровъ отъ входа въ портъ замѣтили большой броненосецъ, на мачтѣ котораго развѣвался красный флагъ. Быстро распространилось извѣстіе, что броненосецъ этотъ есть то самое взбунтовавшееся русское судно, о которомъ говоритъ вся Европа. Броненосецъ подавалъ сигналъ, что онъ ищетъ защиты въ румынскихъ водахъ. Командиръ порта тотчасъ же направился на корабль и былъ встрѣченъ соответственнымъ салютомъ. Экипажъ

Къ событіямъ въ Одессѣ. Сгорѣвшій пароходъ Россійскаго Общества «Петръ». По фот. Пудичева авт. «Нивы».

при погребеніи матроса, и два боевыхъ, коими разрушена крыша и часть стѣны одного изъ домовъ Нѣжинской улицы, но несчастій съ людьми не было. На другой день, 17-го іюня, въ 6 часовъ утра, черноморская эскадра подъ флагомъ старшаго флагмана вице-адмирала Кригера и младшаго контръ-адмирала Вишневецкаго, въ составѣ 4-хъ эскадренныхъ броненосцевъ и 5-ти эскадренныхъ миноносцевъ, подошла къ Одессѣ. Названная эскадра, построившись въ строй фронта, пошла по направленію къ одесскому молу, а броненосецъ «Князь Потемкинъ-Таврическій» вышелъ навстрѣчу эс-

Сгорѣвшая гавань, пакгаузы и пароходы Русск. Общества Пароходства и Торговли.

«Потемкина» объявилъ себя инсургентами и просилъ у румынъ провизіи и угля. Въ этой просьбѣ русскимъ матросамъ было однако отказано. Румынскія власти объявили «инсургентамъ», что если они хотятъ, чтобы ихъ признали дезертирами и не выдали Россіи, то пусть они покинутъ суда и сдадутъ Румыніи и «Потемкина», и миноносецъ со всѣмъ оружіемъ и снарядами.

Экипажъ «Потемкина» на это не согласился, и въ тотъ же день «Потемкинъ» снялся съ якоря и ушелъ по направленію къ крымско-кавказскому побережью, гдѣ его уже ждали и трепетали предъ его появленіемъ мирные города и мѣстечки «Русской Ривьеры».

22 іюня мятежный «корабль-скиталецъ» съ миноносцемъ появились около Теодосіи. Маленькому и не защищенному городу пришлось пережить нѣсколько тяжелыхъ часовъ вслѣдствіе грознаго визита новыхъ морскихъ разбойниковъ.

«Потемкинъ» подошелъ къ Теодосійскому порту въ 7 часовъ утра и спустилъ катеръ съ двумя матросами-депутатами. Депутаты, прибывъ на пристань, объяснили цѣль своего прибытія и потребовали представителей города для переговоровъ. Городскіе представители съѣздили на броненосецъ, и тамъ отъ нихъ была потребована немедленная доставка провизіи, угля и прѣсной воды. На поставку припасовъ команда броненосца дала суточный срокъ и объявила, что если припасы доставлены не будутъ, то «Потемкинъ» подвергнетъ Теодосію бомбардировкѣ.

Городскіе представители изъ

Брешь, произведенная вторымъ снарядомъ съ броненосца „Князь Потемкинъ-Таврическій“, попавшимъ въ д. Стрепетова на Бугаевкѣ. Задній фасадъ.

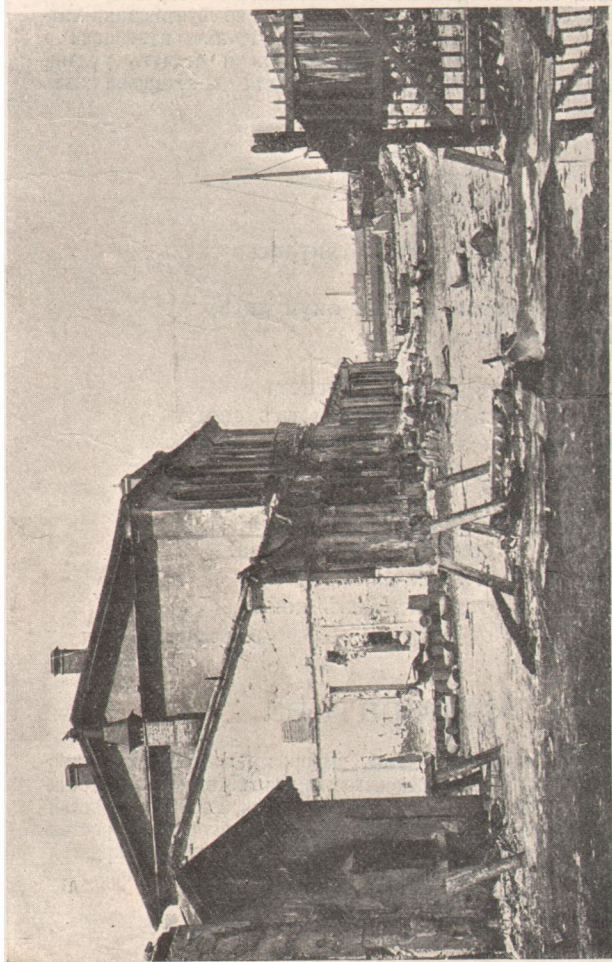

Поврежденіе, причиненное первымъ снарядомъ съ броненосца „Князь Потемкинъ-Таврическій“, попавшимъ на Нѣжинскую улицу, въ домъ Фельдмана.

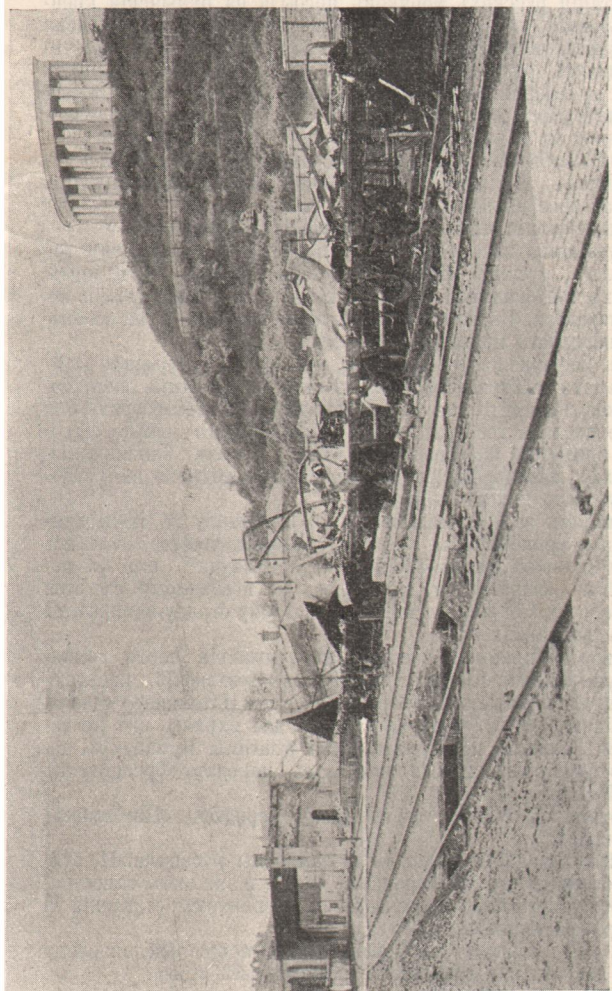

Брешь, произведенная вторымъ снарядомъ съ броненосца „Князь Потемкинъ-Таврическій“, попавшимъ въ д. Стрепетова на Бугаевкѣ. Передній фасадъ.

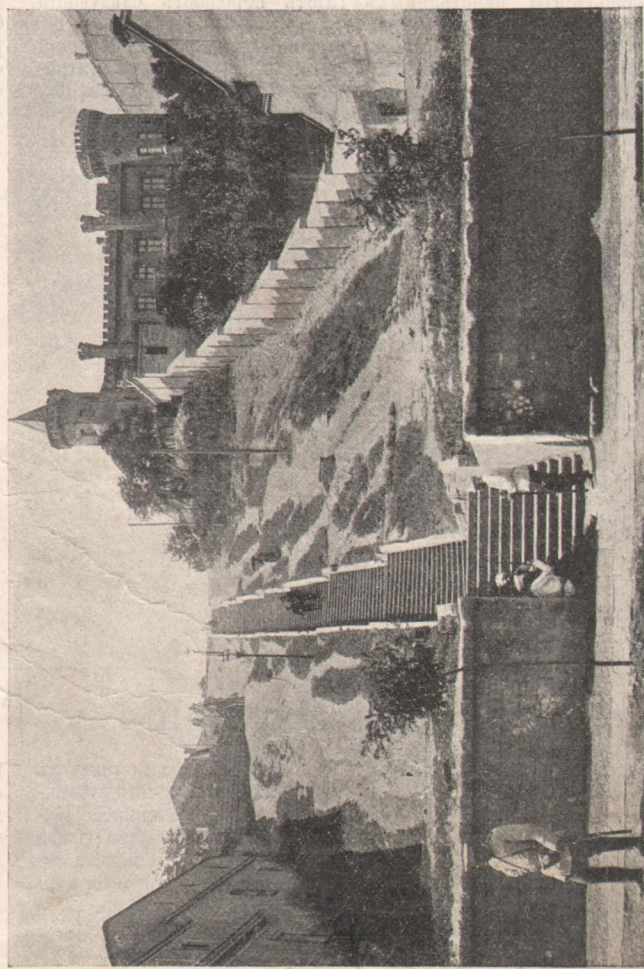
Къ событіямъ въ Одессѣ. По фот. Пудичева авт. «Нивы».

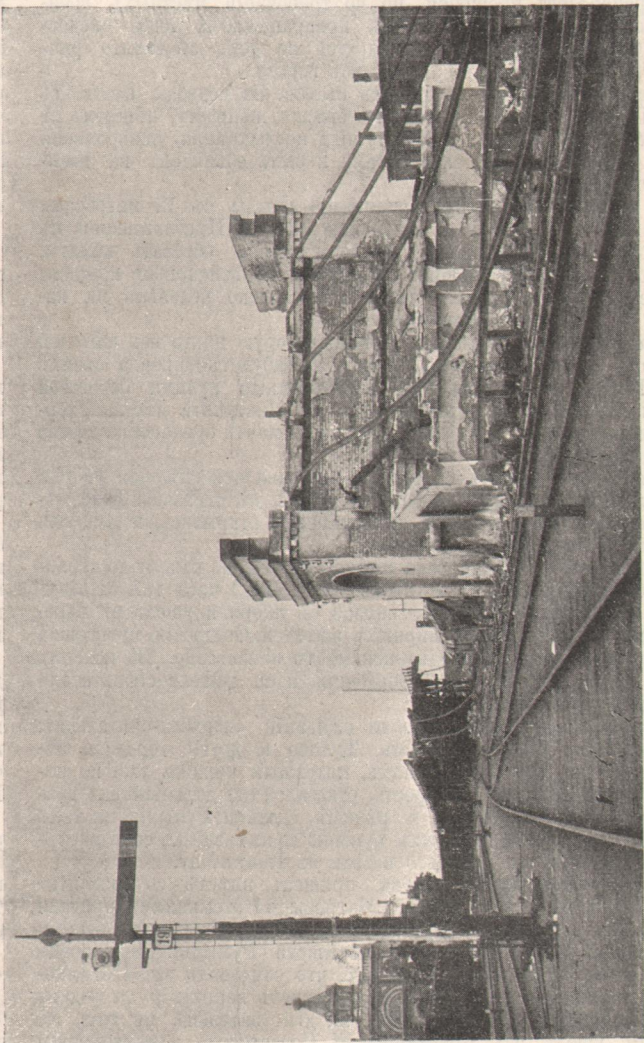
Видъ разграбленныхъ и сожженныхъ пакгаузовъ Русскаго Общества Пароходства и Торговли.

Сгорѣвшая эстакада и вагоны съ грузомъ подъ ней.

Одинъ изъ проходовъ въ гавань и изъ гавани, охраняемый войсками.

Къ событіямъ въ Одессѣ. По фот. Пудичова авт. «Нивы». Видъ уцѣлѣвшаго устоя подъ эстакадой.

явили согласие на поставку провiанта, и городъ сталъ уже снабжать броненосецъ провизией, но по требованiи мѣстныхъ военныхъ властей поставка эта была прекращена. И тогда оеодосiйцы, боясь бомбардировки, на другой же день съ самаго ранняго утра стали выбираться вонъ изъ города.

Вагоны желѣзной дороги брались съ боя. За подводы платились бѣшенныя деньги. Многiе горбжане бѣжали, попросту, пѣшкомъ въ окрестныя горы и деревни. Наступила неслыханная, невѣроятная паника. Городъ наполнился войсками и былъ объявленъ на военномъ положенiи.

Въ 9 часовъ утра въ бухтѣ появился катеръ съ 12 матросами «Потемкина» подъ защитой миноносца № 267. Приблизившись къ парусному судну-угольщику, матросы стали обрѣзать канаты, чтобы силой увести угольщика съ собою. Но войсковыя команды на берегу внезапно открыли огонь, и нѣсколько человекъ на катерѣ и на миноносцѣ было убито.

Тогда наступила страшная минута, которую никто изъ жителей Оеодосiи—очевидцевъ этого событiя, не забудетъ до конца своихъ дней. Катеръ и миноносецъ, разстрѣлянные пулями береговой команды, пристали къ борту броненосца. Наступила мертвая, торжественная тишина, и въ этой тишинѣ на мачтѣ броненосца грозно взвился боевой флагъ.

Въ тотъ же моментъ на броненосцѣ началась спѣшная уборка шлюпокъ и снастей. Броненосецъ готовился къ стрѣльбѣ. Еще нѣсколько мгновений, и люки на батареяхъ открылись, и длинныя дула орудiй направились на городъ.

Казалось, что бомбардировка неминуема. Но по какому-то странному обстоятельству ея не послѣдовало. Въ 2 часа дня «Потемкинъ» неожиданно запарилъ, снялся съ якоря и ушелъ въ море. Пожалѣла ли его команда мирныхъ жителей Оеодосiи, произошла ли разногласица въ командѣ—покаместъ неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ бѣда прошла мимо Оеодосiи, и ея жители снова стали сѣзжаться въ свои гнѣзда.

Много страховъ натерпѣлись въ ожиданiи «корабля-скитальца»: Новороссiйскъ, Сухумъ, Батумъ, Туапсе и другiе города и мѣстечки. Но, къ счастью для нихъ, мятежный корабль уже не рѣшился испытывать ихъ храбрость, отказался отъ дальнѣйшихъ грабительскихъ поплзновений и рѣшилъ сдаться Румынiи на тѣхъ самыхъ условiяхъ, на которыхъ румыны принимали къ себѣ инсургентовъ во время ихъ перваго визита въ Констанцу.

25 iюня «Потемкинъ» снова пришелъ вмѣстѣ со «своимъ» миноносцемъ въ этотъ портъ. Матросы «Потемкина» передали румынскимъ властямъ броненосецъ, а сами высадились на сушу и были отправлены въ различныя мѣстности Румынiи. Миноносецъ же отказался сдаться. Онъ заявилъ, что слѣдовалъ за «Потемкинымъ», лишь подчиняясь силѣ, и что хочетъ вернуться на родину въ ряды вѣрныхъ отчизнѣ судовъ. И, дѣйствительно, въ тотъ же день онъ ушелъ изъ Констанцы въ Севастополь, и румынскими перебѣжчиками оказались лишь одни «потемкинцы».

Корреспонденты иностранныхъ газетъ передаютъ слѣдующiя подробности о сдачѣ «Потемкина»:

«Потемкинъ» вошелъ въ гавань съ громкимъ «ура». Румынскiя власти немедленно вступили въ переговоры съ русскими матросами. «Потемкину» было дано время до 6 часовъ пополудни для того, чтобы сдаться. Румынскiя власти требовали разоруженiя бро-

ноносца, экипажа и снятiя замковъ съ орудiй. Въ 1 часть пополудни депутацiя русскихъ моряковъ прибыла на румынскiй крейсеръ и заявила, что экипажъ рѣшилъ сдать броненосецъ, если командѣ будетъ обезпечена свобода и будетъ дано обѣщанiе, что ея не выдадутъ русскимъ властямъ. Въ переговорахъ принялъ участiе и румынскiй министръ-президентъ Кантакузень, который случайно находился въ Констанцѣ. Въ 2 часа дня состоялась передача броненосца румынскимъ властямъ. На броненосцѣ былъ поднятъ румынскiй флагъ и румынскiе офицеры приняли весь судовой инвентарь. Во время переговоровъ многiе изъ матросовъ «Потемкина» дезертировали.

Послѣ капитуляцiи «Потемкинъ» вошелъ въ гавань.

Когда румынскiя власти приказали поднять на броненосцѣ румынскiй флагъ, русскiе матросы возстали противъ этого, прося оставить ихъ національный флагъ и говоря, что имъ тяжело съ нимъ разставаться. Въ концѣ концовъ, ихъ убѣрили, что на основанiи международного права иначе поступить нельзя.

Матросы отправились въ Браилово, Каларашъ, Журжево, Зимницу, Калафать и Турнъ-Северинъ. Всѣмъ префектамъ было послано приказанiе нигдѣ ихъ не задерживать. Въ Петербургѣ была тотчасъ же послана телеграмма съ подробностями сдачи. Одновременно министръ иностранныхъ дѣлъ генералъ Лаговари извѣстилъ графа Ламздорфа, что броненосецъ находится въ распоряженiи русскаго правительства.

Почти слѣдомъ за «Потемкинымъ» въ Констанцу 26 iюня прибыла русская черноморская эскадра, которая тщетно пыталась предъ тѣмъ изловить мятежный корабль и принудить его къ покорности. Какъ извѣстно, это не удалось ни посланному съ этой цѣлью миноносцу «Стремительный», ни цѣлому отряду адмираловъ Кригера и Вишневецкаго.

Немедленно по прибытiи эскадры въ румынскiй портъ командующiй румынскимъ флотомъ, командиръ Козлинскiй, посѣтилъ русскаго контръ-адмирала и объявилъ ему, что «Потемкинъ» сдался, и румынскiя власти вступили на судно и для охраны его поставили на немъ караулъ подъ румынскимъ флагомъ. Командиръ добавилъ, что румынскiй король приказалъ передать броненосецъ Государю Императору.

Послѣ этого состоялась официальная передача «Потемкина» русскаго эскадрѣ.

Румынская команда и флагъ были замѣнены русскими. Но броненосецъ оказался въ неисправномъ видѣ и не могъ самостоятельно идти: у него было много воды въ машинномъ отдѣленiи и были попорчены машины.

Поэтому «Потемкинъ» былъ взятъ на буксиръ броненосцемъ «Снопъ», на которомъ развѣвался адмиральскiй флагъ.

29 iюня взбунтовавшiйся и очищенный отъ бунтовщиковъ броненосецъ былъ, наконецъ, приведенъ въ Севастополь — и безпримѣрная въ исторiи нашего флота трагедiя, такимъ образомъ, закончилась.

Сильнѣйшiй, быстроходнѣйшiй и новѣйшiй изъ черноморскихъ броненосцевъ сохраненъ для нашего флота, но бунтовщики-матросы навсегда погибли для родины. Черезъ 10 лѣтъ измѣнники — «потемкинцы» натурализируются въ Румынiи и станутъ румынскими подданными. Небольшая честь для прiютившей ихъ страны!

Т у ч и.

По небу уныло блуждая,
Его омрачая собой,
Плывутъ, очертанья мѣняя,
Свинцовыя тучи толпой.

Несутъ онѣ слезы людскiя,
Собрали ихъ здѣсь, на землѣ,
То горе и бѣды мiрскiя
Туманомъ поднялись во мглѣ.

Земля возвратитъ ихъ стремится
Далекимъ нѣмымъ небесамъ,
Но вѣтеръ мѣшаетъ имъ взвиться,
Вернуться въ лазурный ихъ храмъ.

И къ солнцу онѣ потянулись,
Затмили сiянье его,
И въ яркихъ лучахъ окунулись,
Не зная пути своего.

Ужели ихъ небо отвергнетъ,
Не скроетъ въ пространствѣ своемъ
И съ выси лазурной низвергнетъ,
Вернетъ ихъ на землю дождемъ?!

А можетъ-быть, ихъ назначенье
Омытъ и согрѣтъ намъ сердца.
О, если онѣ искупленье,
Пусть льются онѣ безъ конца.

Э. Соломирскiй.

Вторая депутацiя у Государя Императора.

21 iюня Государю Императору благоугодно было принять въ Фермерскомъ дворцѣ, въ Александрiи, гласнаго орловскаго губернскаго земскаго собранiя Нарышкина, генералъ-лейтенанта Кирѣва, звенигородскаго уѣднаго предводителя дворянства графа Шереметева, гласнаго с.-петербургскаго губернскаго земскаго собранiя и с.-петербургской городской думы графа Бобринскаго, курскаго губернскаго предводителя дворянства графа Дорера, глас-

наго московской городской думы, выборнаго московскихъ старобрядцевъ Расторгуева, новгородскаго мѣщанина Матросова, крестьянина деревни Пронской, звенигородскаго уѣзда, Грипина, крестьянина деревни Кропивни, Дорогобужскаго уѣзда, Яковлева, крестьянина деревни Ребенки, Медынскаго уѣзда, Несчастнаго и крестьянина деревни Коняшина, Рузскаго уѣзда, Бажанова, явившихся для поднесенiя всеподданнѣйшаго адреса.

Испрашивая Высочайшее разрѣшеніе на прочтеніе этого адреса, графъ Шереметевъ имѣлъ счастье высказать:

«Государи! Собравшіеся въ древней Москвѣ люди всѣхъ званий и состояній: духовные, дворяне, крестьяне, торговцы, промышленники, люди науки, соединенные мыслью и единымъ чувствомъ любви къ Россіи, послали насъ сказать Вашему Величеству свое откровенное слово. Не сомнѣваемся мы въ искренности побужденій людей иныхъ съ нами взглядовъ, но расходимся съ ними въ путяхъ осуществленія Вами, Государи, возвышенныхъ желанныхъ преобразованій и всѣ равно уповаемъ на умиротвореніе Отечества».

Затѣмъ графомъ Шереметевымъ прочитанъ былъ всеподданнѣйшій адресъ слѣдующаго содержания:

Великій Государи!

«Настойчивое стремленіе нѣкоторой части общества поколебать исторически выработанный государственный укладъ и желаніе навязать странѣ чуждые нашему быту, чуждые всему складу нашего общенациональнаго строя способы правленія побудили насъ сплотиться воедино, насъ, исповѣдующихъ, что правильное развитіе нашихъ государственныхъ началъ, при разрывѣ съ историческимъ народнымъ прошлымъ, — немислимо.

«Вмѣстѣ со всей Русской землей мы жаждемъ уничтоженія того средостѣнія, которое въ теченіе долгихъ лѣтъ понемногу созидалось и съ каждымъ годомъ все болѣе крѣпло между живыми общественными силами и Самодержцемъ. Постигшія насъ на Дальнемъ Востоку бѣдствія обострили господствующую смуту, которая пагубно вліяетъ на ходъ военныхъ дѣйствій. Но мы вѣримъ, что съ помощью Божіей Россія, единеніемъ сыновъ своихъ, выйдетъ изъ этого испытанія безъ ущерба своего достоинства, своей чести. Путь къ умиротворенію смуты внутренней указанъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ. Радостнымъ благовѣстомъ откликнулся въ сердцахъ нашихъ возвышенный съ высоты Престола 18-го февраля сего года призывъ выборныхъ отъ населенія людей къ участию въ разработкѣ законодательныхъ предположеній.

«Драгоценны для всякаго русскаго слова Вашего Величества:

«Пусть установится, какъ было встарь, единеніе между Царемъ и всею Русью, общеніе между Мною и земскими людьми, которое ляжетъ въ основу порядка, отвѣчающаго самобытнымъ русскимъ началамъ».

«Государи! Вся Россія, всѣ ваши вѣрные подданные видятъ въ словахъ этихъ залогъ обновленія и вѣщающаго преуспѣянія нашего отечества. Мы видимъ въ нихъ возстановленіе того древняго порядка, при которомъ, оставляя за собою полноту власти и свободу рѣшенія, Русскіе Цари благосклонно выслушивали правдивый, безкорыстный голосъ лучшихъ выборныхъ людей.

«Да будетъ голосъ этотъ и впредь вѣрнымъ выразителемъ всѣхъ нуждъ народа и, какъ встарь, да послужитъ онъ для Царя и Россіи источникомъ ихъ могущества и славы.

«Мы полагаемъ, что только избранные по отдѣльнымъ, связаннымъ между собою, бытовымъ группамъ населенія явятся вѣрными выразителями мыслей и потребностей всего народа въ его совокупности.

«Царю Самодержавному, при изъясненіи Своей Монаршей Воли, необходимо знать, изъ какой среды исходятъ тѣ или иные мнѣнія и пожеланія и выслушать голосъ всѣхъ отдѣльныхъ бытовыхъ слоевъ».

«При производствѣ выборовъ отъ смѣшанныхъ между собою слоевъ населенія нѣкоторые изъ нихъ, и даже самые многочисленные, легко могутъ быть лишены возможности высказывать предъ Вами, Государи, свои насущныя нужды. Лица, избранные такимъ путемъ, вознивъ себя представителями страны, явятся новой, горшей преградой между Царемъ и народомъ».

«Не допусти, Государи, чтобы между Тобой и землей воздвиглась эта новая стѣна. Непосредственно выслушай, Великій Печальникъ земли Русской, нужды всѣхъ слоевъ народа Твоего, черезъ выбранныхъ ими изъ своей среды излюбленныхъ людей».

По прочтеніи адреса гласный с.-петербургскаго губернскаго земскаго собранія и с.-петербургской городской думы, графъ Бобринскій, обратился къ Его Императорскому Величеству съ слѣдующими словами:

«Когда единомышленники избирали насъ для поднесенія Вашему Величеству челобитной, то въ средѣ нашей нашлись люди разума, которые находили, что не слѣдуетъ беспокоить Государи въ настоящее тяжелое время: «Что вы скажете Царю?» — говорили они: — будете ли говорить о войнѣ и мирѣ? Но Государю лучше

насъ вѣдомо, чего требуетъ честь и достоинство Имперіи. Да и во всѣхъ странахъ эти вопросы рѣшаются не народомъ, а Верховною Властью. Заговорите ли о созывѣ выборныхъ людей — но Воля Царская выражена ясно, и нынѣ слѣдуетъ спокойно ожидать ея выполненія, а не тревожить Государи рѣчами».

«Но другіе возражали, что молчать невозможно; не мы первые дерзнули беспокоить Ваше Величество, но теперь, когда рѣчи нѣкоторыхъ лицъ сдѣлались общими достояніемъ и печать приписываетъ имъ значеніе голоса всей земской и мыслящей Россіи, — намъ, такимъ же земскимъ людямъ, такъ же близкимъ стоящимъ къ землѣ и въ не менѣе многочисленномъ составѣ, намъ, нераздѣляющимъ высказанныхъ передъ Вашимъ Величествомъ мнѣній, — грѣшно молчать».

«Государи! Земля наша велика и обильна и различныхъ мнѣній въ ней множество. Но что именно думаетъ вся Россія — этого сказать никто не можетъ, потому что Россія молчитъ, а говорятъ лишь немногие. Мы не дерзаемъ высказаться отъ лица всей страны, но смѣемъ заверить Ваше Величество, что исповѣдуемъ убѣжденія множества вѣроподданныхъ Вашихъ. Отъ ихъ имени мы прежде всего молимъ Васъ, Государи: не заключайте обиднаго для Россіи мира. Томительна, тягостна, грустна война, — но, какъ бы тяжело намъ всѣмъ ни было, — не довершайте этой чаши бѣдствій позоромъ, который страна не въ силахъ перенести».

«Ваше Величество упомянули об ожидающихъ насъ новыхъ бѣдствіяхъ, и мы спѣшимъ откликнуться на слова Ваши и сказать: Государи! Вамъ нужны люди — берите ихъ. Еще много на Руси молодыхъ силъ, готовыхъ лечь костями за отечество. А если ихъ не хватитъ, то на что-нибудь годны же и мы, старики, хотя бы для гарнизонной службы. До тѣхъ поръ, пока каждый изъ насъ, и младъ и старъ, не встанетъ подъ ружье, — не заключайте постыднаго мира. Вамъ нужны средства — но обложанія насъ не страшатъ; не въ первый и не въ послѣдній разъ принесетъ Россія свое достоинство на алтарь отечества».

«Вамъ говорили, Государи, что Русскій Царь уже не Царь дворянъ и не Царь крестьянъ, — и болѣзненно содрогнулось сердце дворянства, свято памятуя слова державныхъ предковъ Вашихъ, называвшихъ себя Первыми Дворянами Россіи. А что до крестьянства, то кто отважится ему сообщить, что отнынѣ Русскій Царь не его Царь?»

«Нѣтъ, Государи! Вы попрежнему Царь дворянъ и Царь крестьянъ, и всѣхъ другихъ сословій и Царь каждаго изъ насъ. Именно потому, что Царь всея Руси есть Царь каждаго и всѣхъ — Онъ является естественнымъ представителемъ всего русскаго народа. Онъ одинъ — и никто иной».

«Нынѣ, когда Вашему Величеству благоугодно увѣнчать завѣтные пожеланія Вашихъ подданныхъ и осчастливить Россію призывомъ къ совѣту выборныхъ людей, мы просимъ Ваше Величество вызвать этихъ избранниковъ изъ освѣщенныхъ исторіей нашей бытовыхъ группъ. Къ такимъ выборамъ Россія давно привыкла. Они представляютъ Вамъ лицъ опытныхъ и разумныхъ, хорошо освѣдомленныхъ объ истинныхъ нуждахъ своихъ согражданъ. Иначе, выборы выдвинутъ разрядъ людей, которыхъ мы опасаемся и съ которыми Россія хорошо знакома по ихъ разрушительной дѣятельности. Это люди словоохотливые, одаренные краснорѣчіемъ, но для которыхъ суть дѣла и корень вопросовъ всегда готовы ступенчатся передъ красотою слова. Такие представители неминуемо образуютъ между Царемъ и народомъ преграду, черезъ которую голосъ народа трудно будетъ восходить до Вашего Величества».

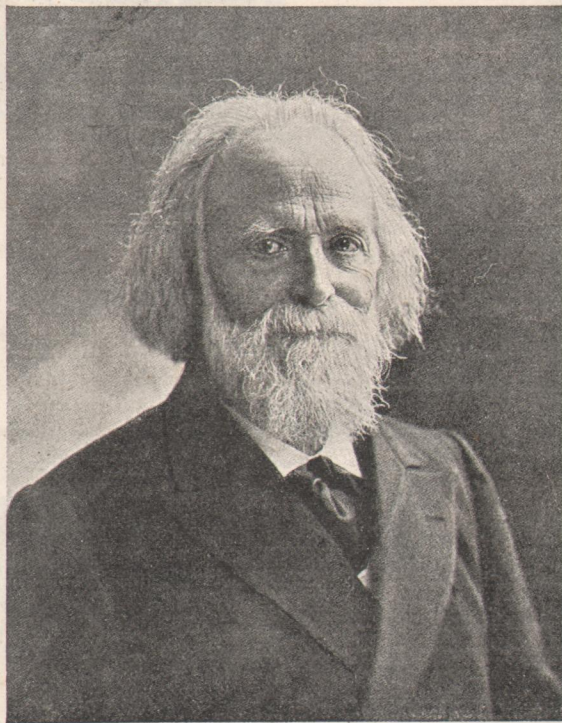
«Государи! Избавьте насъ отъ этого средостѣнія путемъ установленія выборовъ отъ бытовыхъ группъ. Тогда, и только тогда, Вы всегда будете слышать истинный голосъ народа Вашего, голосъ простой, быть-можетъ, не краснорѣчивый, но исполненный правды и вѣроподданнической преданности Россіи и своему Государю».

Послѣ гласнаго графа Бобринскаго имѣлъ счастье говорить гласный орловскаго губернскаго земскаго собранія Нарышкинъ, который произнесъ слѣдующую рѣчь:

«Ваше Императорское Величество!

«Благоволите разрѣшить мнѣ, въ дополненіе къ выраженному мною соображеніямъ, сказать нѣсколько словъ, долженствующихъ послужить нѣкоторымъ оправданіемъ нашего ходатайства о милостивомъ пріемѣ, который Вы соизволили оказать намъ».

«Съ трепетнымъ благоговѣніемъ услышавъ о рѣшеніи, Вашемъ созывать выборныхъ отъ земли для участія въ законодательныхъ

З. Реклю († 21 іюня 1905 г.). По фот. авт. «Нивы».

1) Главная улица поста Корсаковского. 2) Ёздовые олени на р. Поропъ на Сахалинѣ. 3) Постъ Корсаковскій. 4) Мысъ Жонкьеръ и „Три брата“. 5) Типъ аина. 6) Селеніе Могунъ-Катанъ. Типъ бѣднаго сахалинскаго поселка. 7) Селеніе Оноръ (Тымскій округъ). 8) Маякъ въ посту Александровскомъ. 9) Домъ бывшаго японск. консульства на Сахалинѣ въ посту Корсаковскомъ.

Къ захвату о. Сахалина японцами.

1) Главная улица въ посту Александровскомъ. 2) Постъ Корсаковскій. 3) Селеніе Галкино-Врасское. 4) Типъ гиліака на Сахалинѣ. 5) Игра аинскихъ дѣтей. 6) По западному берегу южной части острова. 7) Путешествіе гиліаковъ на лодкѣ по р. Пороною. 8) Домъ начальника округа въ п. Корсаковскомъ. 9) Типъ гиліака.

Къ захвату Сахалина японцами. По фот. авт. «Нивы».

работах, мы не тились образовывать партию, отобравать единомышленников из состава существующих общественных установлений, и не знаем, примкнет ли к нам их большинство; но мы убеждены, что мыслим едино с огромным большинством коренного русского народа. Живя общию с ним жизнью, по заветам предков, мы не обособляем себя от него, въ качества «образованных классов». Широкая жизненная струя, помимо всяких организаций, вынесла нас вперед, и вот мы предстоим предъ Вашимъ Величествомъ. У насъ съ народомъ одно мироощущение, одна вѣра, мы не можемъ измѣнить нашимъ искреннимъ отношеніямъ къ Верховной Власти, къ Церкви, и не боимся, что кто-либо укоритъ насъ въ этомъ.

«Ужасныя потрясенія, переживаемыя Россією, обнаружили наше внутреннее нестроение и вызвали всеобщее смущеніе. Лучшие люди не могли оставаться въ бездѣйствіи. Поэтому намъ не должно осуждать — да не будемъ сами судимы — дѣятелей, собравшихся для общаго мнѣнія о томъ, какъ помочь общій бѣдѣ. Но не можемъ, однако, признать ихъ заключеній за выраженіе мнѣнія всей страны.

«Русскому государственному строю, издавна слагавшемуся, не свойственно «представительство», въ смыслѣ органа народного самодержавства (да въ этомъ призрачномъ понятіи уже разочаровались), ибо державныя права Руси Великой воплощаются въ лицѣ Царя. Между тѣмъ, въ самое послѣднее время распространилась тревожная молва о возможности воспринятія нѣкоторыхъ изъ тѣхъ заключеній, именно объ основаніяхъ избирательнаго порядка, представляющаго опасность такого подбора выборныхъ, при коемъ собраніе являлось бы не совѣтомъ земли, какимъ были наши старые земскіе соборы, а попыткой парламентарнаго учрежденія, съ тѣми послѣдствіями, которыя и на Западѣ вызываютъ жалобы со стороны многихъ мудрейшихъ людей.

«Наконецъ, хотя изъ Московскаго Царства Россія стала міровою Имперією, включившею въ себя многія разноплеменные народности, изъ коихъ нѣкоторые имѣютъ свое историческое прошлое, и справедливо, безъ сомнѣній, требуютъ предоставить имъ выражать свои мнѣнія и нужды чрезъ своихъ выборныхъ,—но она должна сохранить образъ государства національнаго, преобладающей голосъ принадлежить въ немъ, по праву, тому народу, который создалъ великую державу и выносить ее изъ всякихъ бѣдъ и испытаній на своихъ плечахъ.

«Вотъ мысли, которыя мы считали вѣрно подданныческимъ долгомъ своимъ повергнуть на милостивое вниманіе Вашего Величества.

«Всею землею, отъ глубины души, молимъ мы Бога о спасеніи нашего Государя и Отечества отъ нынѣшней тяжкой бѣды».

Затѣмъ имѣли счастье произнести привѣтствія мѣщанинъ Матросовъ и крестьянъ Григорьевъ, которые высказали, что крестьяне и рабочіе готовы пожертвовать всѣмъ для пользы Царя и родины, чтобы помочь побѣдить врага и возстановить порядокъ.

Милостиво выслушавъ всѣ изложенныя выше привѣтствія, Государь Императоръ удостоилъ собравшихся слѣдующими словами:

«Искренно благодарю васъ всѣхъ, господа, и васъ также, братцы, за мысли и чувства, которыя привели васъ ко Мнѣ.

«Мнѣ въ особенности отрадно то, что вами руководили чувства преданности и любви къ родной старинѣ.

«Только то государство и сильно, и крѣпко, которое свято хранитъ заветы прошлаго. Мы сами противъ этого погрѣшили, и Богъ за это, можетъ-быть, насъ и караетъ.

«Что же касается опасеній, вами выраженныхъ, — скажу вамъ, что сама жизнь укажетъ намъ пути къ устраненію тѣхъ несовершенствъ и погрѣшностей, которыя могутъ оказаться въ такомъ новомъ и большомъ дѣлѣ, которое Я задумалъ на благо всѣхъ Моихъ подданныхъ.

«Убѣжденъ, что вы всѣ и каждый въ своемъ кругу поможете Мнѣ водворить миръ и тишину въ землѣ нашей и тѣмъ самымъ сослужите Мнѣ ту службу, которую Я отъ всѣхъ вѣрныхъ Моихъ подданныхъ ожидаю, въ чемъ Господь Богъ вамъ и да поможетъ».

3. Реклю. (Портр. на стр. 555).

21-го іюня въ Бельгій, въ Туру, скончался знаменитый географъ, Элизэ Реклю.

Рѣдко встрѣчаются такіе энциклопедисты и всесторонніе знатоки въ какой-либо области знаній, какъ покойный французскій ученый и писатель. Его, по справедливости, сравниваютъ съ не менѣе знаменитымъ Брэмомъ: подобно Брэмю, создавшему колоссальный энциклопедическій трудъ «Жизнь животныхъ», Э. Реклю создалъ грандіозный трудъ описанія земли — «Всеобщую географию». Оба писателя оставили послѣ себя неоцѣнимое наслѣдство знаній, воплощенное въ огромные томы увлекательно написанныхъ сочиненій, трактующихъ о землѣ и о ея безчисленныхъ и многообразныхъ обитателяхъ.

Кому изъ насъ неизвѣстно имя Элизэ Реклю? Кто изъ насъ не зачитывался его «Всеобщей географіей» и другимъ еще болѣе извѣстнымъ его произведеніемъ «Земля и люди»? Яркія картины природы, занимательныя нравы и обычаи обитателей разныхъ странъ, великолѣпно описываемыя увлекательнымъ перомъ «великаго географа», затмевали своимъ блескомъ сочиненія излюбленныхъ нашихъ друзей, Густава Эмара и Майнъ-Рида, и вселили въ насъ страстное желаніе путешествовать, посѣщать всѣ тѣ чудесныя уголки земного шара, о которыхъ такъ живо и увлекательно повѣствовалъ французскій географъ. Элизэ Реклю слѣдуетъ, по справедливости, считать однимъ изъ величайшихъ вос-

питателей и наставниковъ юношества, наравнѣ съ только-что упомянутымъ Брэмомъ, и съ другимъ знаменитымъ «поэтомъ науки» Жюль-Верномъ, который, кстати сказать, весьма часто черпалъ свое вдохновеніе и маршруты для своихъ героевъ, именно, изъ сочиненій Э. Реклю.

Жакъ-Элизэ Реклю родился въ 1830 году, въ департаментѣ Жиронды (въ мѣстечкѣ Sainte-Foy-la-Grande), и былъ сыномъ протестантскаго пастора. Еще въ юныхъ годахъ онъ почувствовалъ непреодолимое желаніе путешествовать, и вмѣстѣ съ этимъ сталъ усиленно и серьезно заниматься географіей. Онъ много путешествовалъ, посѣтилъ Германію, Венгрію, Англію и другія страны, и изучалъ ихъ языки. Во время своего пребыванія въ Германіи Э. Реклю слушалъ лекціи въ берлинскомъ университетѣ.

Вернувшись во Францію, онъ помѣстилъ въ журналахъ «Revue de Deux Mondes» и «Tour du Monde» цѣлый рядъ статей, въ которыхъ изложилъ результаты своихъ путешествій и занятій по географіи. Статьи эти были замѣчены публикой и положили начало громкой литературной и научной дѣятельности Э. Реклю.

Главными трудами покойнаго писателя считаются: «Voyage à Sierra Nevada», «Histoire d'un ruisseau», «Histoire d'une montagne», и въ особенности, знаменитое его сочиненіе «La Terre et les hommes». Этотъ послѣдній трудъ переведенъ на многіе языки, между прочими, на нашъ языкъ, и подъ заглавіемъ «Земля и люди» служитъ украшеніемъ каждой популярно-научной библиотеки.

Нужно ли подробно характеризовать это замѣчательное и столь популярное у насъ сочиненіе? По богатству содержанія и талантиности изложенія «Земля и люди» настолько же отличается отъ обычныхъ ученыхъ трактатовъ, насколько отличается великолѣпная картина отъ схематически-начерченнаго плана. «Земля и люди» представляетъ собою на рѣдкость дружный и счастливый союзъ науки съ поэзіей и художественностью.

Въ своей частной жизни Элизэ Реклю подвергался тяжелымъ бурямъ и невзгодамъ. Его политическія убѣжденія, рѣзко выражавшіяся, благодаря прямолинейности и опредѣленности его характера, навлекли на него изгнаніе изъ Франціи, и Э. Реклю принужденъ былъ жить въ Италіи и Швейцаріи.

Въ 1883 году онъ снова былъ замѣнанъ въ одномъ громкомъ процессѣ анархистовъ и опять-таки долженъ былъ вслѣдствіе этого провести большую часть своей жизни за границей. Въ послѣднее время, начиная съ 1893 года, Реклю жилъ въ Брюсселѣ, занимая кѣседу географіи въ мѣстномъ «свободномъ университетѣ». На этомъ посту его и застала смерть. Э. Реклю скончался уже въ преклонныхъ лѣтахъ—75 лѣтъ отъ роду.

Занятіе о. Сахалина японцами.

(Рис. на стр. 556 и 557).

Едва разразилась Цусимская катастрофа,—немедленно начались толки о возникающей опасности для острова Сахалина. Опасенія эти, къ сожалѣнію, уже оправдались: Сахалинъ подвергся вторженію японцевъ. По послѣднимъ извѣстіямъ, японцы высадили десантъ на территоріи острова и тѣснятъ тамъ наши дружины добровольцевъ изъ ссыльно-каторжныхъ.

25-го іюня генералъ Линевичъ телеграфировалъ, что 24-го іюня японцы заняли на о. Сахалинѣ постъ Корсаковский. 25-го іюня въ 8 часовъ утра въ бухту Лососей вошли два миноносца и открыли огонь по Соловьевской позиціи. Корсаковский отрядъ съ Соловьевской позиціи сталъ отходить на сѣверъ. Конница противника заняла Соловьевку. Въ Корсаковскомъ высадился десантъ японцевъ въ составѣ всѣхъ трехъ родовъ оружія.

По дополнительнымъ частнымъ свѣдѣніямъ, русскіе сожгли Корсаковский постъ и отступили къ Владимировкѣ. Высадка японцевъ была совершена на разсвѣтѣ 24-го іюня, причѣмъ всего высадилось до 12.000 человекъ съ артиллеріей.

27-го іюня ген. Линевичъ донесъ далѣе, что по полученному донесенію Корсаковский постъ былъ оставленъ послѣ того, какъ были разстрѣляны всѣ патроны съ «Новика» и флотъ противника открылъ жестокой артиллерійскій огонь по посту. Береговые орудія были взорваны, всѣ склады и казенныя зданія преданы пламени. На укрѣпленной позиціи у Соловьевки отрядъ обстрѣливался артиллеріей миноносцаго отряда японцевъ и потому отошелъ на сѣверъ.

Слѣдующая затѣмъ телеграмма нашего главнокомандующаго сообщаетъ, что «одинъ изъ нашихъ отрядовъ въ ночь съ 27-го на 28-ое между Еланью и Владимировкой имѣлъ бой, доведенный до штыковъ, съ противникомъ въ значительныхъ силахъ». По японскимъ свѣдѣніямъ, Корсаковский постъ горѣлъ до 27-го іюня и почти совершенно уничтоженъ. Японцы будто бы взяли въ плѣнъ 80 человекъ съ офицеромъ, нѣсколько орудій и пулеметъ. Эти послѣднія новости, конечно, нуждаются еще въ подтвержденіи.

Наконецъ, позднѣе донесеніе ген. Линевича содержитъ въ себѣ извѣстіе о томъ, что «японскія суда бомбардируютъ Найбучи—мѣстечко на восточномъ берегу южнаго Сахалина».

Вотъ показателъ и всѣ свѣдѣнія о той трагедіи, которая разыгрывается теперь на далекомъ «Соколиномъ островѣ»; такимъ образомъ, о Сахалинѣ, о его географіи и исторіи, о его туземномъ населеніи—гилякахъ, аннахъ и ороченахъ—намъ уже не разъ приходилось говорить на страницахъ «Нивы».

Постараемся оживить въ памяти читателей лишь только то, что касается мѣстностей, упоминаемыхъ въ донесеніяхъ генерала Линевича,—тѣхъ мѣстностей, которымъ суждено теперь играть особо-выдающуюся роль въ трагедіи русско-японской войны.

Что такое представляют собою постъ Корсаковский, Владимировка, Соловьевка, Елань, Найбучи?

«Столица южнаго Сахалина» — нынѣ разрушенный постъ Корсаковский основанъ въ 1869 году и въ послѣднее время имѣлъ видъ приличнаго небольшого городка съ новенькими деревянными постройками и скромной, но красивою бѣлою церковью. Построенъ онъ былъ какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде существовали обширныя японскія рыбныя ловли — и поэтому на многихъ его постройкахъ до нѣкоторой степени все еще сказывался японскій «стиль». Въ Корсаковскомъ посту имѣлась одна изъ главнѣйшихъ и наиболѣе населенныхъ сахалинскихъ тюремъ.

Соловьевка, о которой говоритъ первая изъ вышеприведенныхъ телеграммъ, находится на четвертой верстѣ отъ Корсаковского поста. Изъ всѣхъ сахалинскихъ селеній Соловьевка занимаетъ особо выгодную позицію — на самомъ берегу моря и вблизи рыбной рѣчки Сусуи. Населеніе до послѣднихъ событій съ успѣхомъ (что очень рѣдко на Сахалинѣ) занималось скотоводствомъ и сѣяло хлѣбъ.

Въ тѣхъ же, приблизительно, мѣстахъ находятся и селенія Большая Елань и Владимировка. «Еланью» на Сахалинѣ называется, вообще, всякая прирѣчная долина, покрытая лѣсомъ: въ такой, именно, долині и расположено первое изъ упомянутыхъ селеній. Второе селеніе — Владимировка — лежитъ въ пяти верстахъ далѣе и носить еще другое названіе «Черная рѣчка». И какъ же непохожа она на оживленную и покрытую щегольскими дачами петербургскую «Черную рѣчку»!

За небольшимъ переваломъ, ограничивающимъ бассейнъ рѣчки Сусуи, которая орошаетъ мѣстности упомянутыхъ селеній, находится долина, орошаемая рѣкою Найбой. Тамъ, въ долині этой рѣки, на восточномъ берегу южнаго Сахалина лежитъ захудалое мѣстечко Найбучи, подвергшееся между 1 и 2 іюля японской бомбардировкѣ.

А. П. Чеховъ въ своемъ «Островѣ Сахалинѣ» такъ характеризуетъ этотъ заброшенный, приютившійся на берегу Тихаго океана, уголокъ:

«Море, на видъ холодное, мутное, реветъ, и высокія сѣдыя волны бьются о песокъ, какъ бы желая сказать въ отчаяніи: «Боже, зачѣмъ Ты насъ создалъ?» Это уже Великій или Тихій океанъ. На этомъ берегу Найбучи слышно, какъ на постройкѣ стучатъ топорами каторжные, а на томъ берегу, далекомъ, воображаемомъ, Америка. Налѣво видны въ туманѣ сахалинскіе мысы, направо тоже мысы. А кругомъ ни одной живой души, ни птицы, ни мухи, и кажется непонятнымъ, для кого здѣсь реветъ волны, кто ихъ

слушаетъ здѣсь по ночамъ, что имъ нужно, и, наконецъ, для кого онѣ будутъ реветъ, когда я уйду?»

Южный Сахалинъ славится рыбными ловлями и, въ особенности, изобиліемъ сельди, которая съ давнихъ поръ служитъ японцамъ не только пищей, но и главнѣйшимъ удобреніемъ ихъ рисовыхъ полей. Еще и до войны японцы имѣли здѣсь рыбныя факторіи и получали рыбу отъ русскихъ промышленниковъ. Теперь же, съ переходомъ Сахалина въ ихъ руки, они, навѣрное, организуютъ тамъ колоссальныя промыслы.

Сахалинъ привлекаетъ къ себѣ ихъ вниманіе и въ стратегическомъ отношеніи. Протянувшись узкой полосой вдоль амурскаго побережья, онъ, что называется, командуетъ и устьемъ Амура и даже Владивостокомъ. Обладаніе Сахалиномъ даетъ возможность до извѣстной степени держать въ рукахъ и эти пункты.

Однимъ словомъ, занятіе японцами Сахалина сулитъ намъ крупныя осложненія какъ въ войнѣ, такъ и въ вопросѣ о мирѣ.

Графъ П. П. Шуваловъ.

(Съ портр. и рис. на этой стр.).

28 іюня вся Москва была взволнована новымъ печальнымъ событіемъ: московскій градоначальникъ, графъ Павелъ Павловичъ Шуваловъ, недавно назначенный на эту должность, палъ отъ руки убійцы.

На пріемѣ у градоначальника въ этотъ день было очень много лицъ. И, вотъ, когда графъ П. П. Шуваловъ обходилъ ряды просителей, одинъ изъ нихъ моментально выхватилъ револьверъ и изъ-за спины другого просителя произвелъ въ графа пять выстрѣловъ. Графъ тутъ же упалъ и въ непродолжительномъ времени скончался. Одна изъ пуль попала ему въ сердце, другія въ животъ. Убійца былъ немедленно задержанъ и въ настоящее время уже преданъ суду.

Онъ оказался извѣстнымъ преступникомъ, уже арестованнымъ по другому дѣлу, но недавно бѣжавшимъ изъ московскаго арестнаго дома.

Убійство графа П. П. Шувалова произвело на всѣхъ присутствовавшихъ на пріемѣ крайне удручающее впечатлѣніе. На убійцу бросились, били его и могли бы убить, если бы успѣвшіе на помощь служители и полицейскіе не освободили его изъ рукъ толпы. По словамъ очевидцевъ, онъ пытался застрѣлиться, но какая-то дама вцѣпилась ему зубами въ руку и не дала ему сдѣлать это.

Графъ Павелъ Павловичъ Шуваловъ происходитъ изъ очень извѣстной семьи: онъ сынъ гр. П. А. Шувалова, бывшаго русскаго

Московскій градоначальникъ графъ П. П. Шуваловъ, убитый, 28 іюня въ Москвѣ.

По фот. авт. «Нивы».

Перевезеніе тѣла графа П. П. Шувалова. Литія у Троицкаго собора въ Петербургѣ.

По фот. К. Булла авт. «Нивы».

посла въ Берлинъ. Семейная же связи соединяють его съ другою не менѣе известною семьею: онъ былъ женатъ на дочери кавказскаго наместника гр. П. П. Воронцова-Дашкова. Родился онъ въ 1859 г. и получалъ воспитаніе въ пажемскомъ корпусѣ, откуда вышелъ въ 1877 году прапорщикомъ въ гвардейскую конную артиллерию. Въ томъ же году гр. П. П. Шуваловъ принялъ участіе въ русско-турецкой войнѣ и получилъ нѣсколько наградъ за дѣйствія противъ турокъ.

По окончаніи войны покойный былъ причисленъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ и, спустя нѣкоторое время, получилъ назначеніе на должность одесскаго градоначальника.

Въ 1903 году гр. П. П. Шуваловъ покинулъ свою должность въ Одессѣ и былъ назначенъ генераломъ для порученій при министрѣ внутреннихъ дѣлъ. А весьма недавно, незадолго до своей трагической кончины, онъ получилъ назначеніе въ Москву, гдѣ его и сразила пуля убійцы.

Графа П. П. Шувалова въ Москвѣ, да и вездѣ, гдѣ онъ служилъ, чрезвычайно цѣнили, какъ энергичнаго и исполненнаго чувства долга человека. Въ высшей степени дѣятельный слуга государства, онъ заслужилъ теплыя симпатіи, и какъ личность, вообще. Яркой характеристикой его личности можетъ служить хотя бы слѣдующій, недавно опубликованный въ газетахъ его приказъ по полиціи:

«Изъ числа просителей, ежедневно ко мнѣ обращающихся, значительная часть возбуждаетъ такого рода ходатайства, удовлетвореніе которыхъ по существу хотя и не зависитъ непосредственно отъ административной власти, но, во всякомъ случаѣ, при доброжелательномъ отношеніи, власть эта всегда имѣетъ возможность въ значительной мѣрѣ способствовать тому, чтобы ходатайство просителя увѣнчалось успѣхомъ, почему просители указанной категоріи и направляются мною непосредственно къ гг. приставамъ при соответствующихъ препроводительныхъ запискахъ.

«Принимая во вниманіе, что за послѣднее время были случаи, когда просители, побывъ у поддежащаго пристава, возвращались ко мнѣ удовлетворенными недостаточно и лишь съ чисто формальной стороны,—я обращаю на это вниманіе гг. приставовъ и предлагаю имъ на будущее время относиться самымъ участливымъ, доброжелательнымъ образомъ не только къ такимъ просителямъ, кои направляются отъ меня, но и вообще ко всѣмъ лицамъ, обращающимся къ чинамъ полиціи за законнымъ содѣйствіемъ — непосредственно, памятуя, что полицейская власть только тогда окажется на высотѣ своего положенія, когда обыватели будутъ прибѣгать къ ней охотно и съ полнымъ довѣріемъ».

Потому-то покойнаго графа искренно и жалѣютъ всѣ, кто хотя сколько-нибудь зналъ его: прекрасныя слова его приказа отнюдь не были только словами, но гр. П. П. Шуваловъ, какъ человекъ дѣла, всегда старался провести ихъ въ жизнь... И тѣмъ болѣе досадно и обидно кажется его трагическая смерть, вызванная какими-то совершенно непонятными обстоятельствами. не имѣющими никакого оправданія въ личной дѣятельности убитаго.

Участіе Китая въ мирныхъ переговорахъ. (Политическое обозрѣніе).

Еще далеко не закончена кровавая борьба въ Манчжуріи, но уже родилась сладкая надежда на возможность ея прекращения. Весь цивилизованный міръ облегченно вздохнулъ при вѣсти объ окончательномъ рѣшеніи воюющихъ державъ приступить къ мирнымъ переговорамъ въ Вашингтонѣ. Быть-можетъ, переговоры эти и не дадутъ въ ближайшемъ будущемъ никакихъ осязаемыхъ результатовъ въ видѣ временнаго перемирія, быть-можетъ японскія требованія, возрастающія отъ ряда напихъ неудачъ и отъ роста внутренней смуты, окажутся непріемлемыми даже съ точки зрѣнія самой миролюбивой русской уступчивости — и все-таки начало мирныхъ переговоровъ надо приветствовать не только какъ торжество общечеловѣческой цивилизаціи, но также и съ чисто-русской точки зрѣнія: ознакомившись съ настоящими японцевъ, русское общество само убѣдится, увидѣвъ воочию, возможенъ ли или невозможенъ миръ на предвѣчныхъ условіяхъ, получить ясное и осязательное представленіе о томъ, во имя чего ведется эта несчастная война. Каковъ бы ни былъ окончательный исходъ вашингтонскихъ переговоровъ, ихъ нужно горячо приветствовать, потому что они или положатъ конецъ войнѣ, или же сдѣлаютъ ее болѣе сознательною, болѣе національною, что въ высшей степени необходимо для сколько-нибудь удачнаго веденія кровавой борьбы.

Словесная и духовная борьба уполномоченныхъ обѣихъ странъ будетъ тоже въ высшей степени упорной и тяжелой. Нелегко примирить требованіе упоеннаго побѣдами, экзальтированного и плохо знающаго внутреннюю мощь врага — съ уваженіемъ къ национальной гор-

дости русскаго народа. Когда одна сторона совершенно истощила свои ресурсы, когда побѣдитель повергъ побѣжденнаго на землю и наступилъ ему копытомъ на грудь, когда его побѣдоносная армія захватила столицу и большую половину территоріи противника, тогда утрачивается всякая энергія и военнаго, и дипломатическаго сопротивленія, и мирныя условія подписываются въ нѣсколько часовъ. Но Россія вовсе не находится въ такомъ положеніи. Отъ ея столицъ непріятельскія арміи отстоятъ на десять тысячъ верстъ. Ея территорія остается почти неприкосновенной, если не считать высадки японскаго десанта на Корсаковскомъ посту острова Сахалина. Продолжать войну мы можемъ еще много мѣсяцевъ, особенно если непомѣрные требованія японцевъ возбудятъ протестъ и національное чувство всего русскаго народа. Такимъ образомъ, главнымъ шансомъ на успѣхъ переговоровъ остается умѣренность японскихъ уполномоченныхъ, но на нее трудно рассчитывать, потому что они все время будутъ находиться подъ прессомъ распаденнаго побѣдами общественнаго мнѣнія Японіи.

Первый, такъ сказать, предварительный періодъ переговоровъ неожиданно осложнился попыткою Китая вступить въ нихъ, въ качествѣ «третьяго лица». Съ юридической точки зрѣнія его права совершенно неоспоримы. Отъ всѣхъ предшествовавшихъ войнъ нынѣшня отличается именно тѣмъ, что ведется воюющими націями на территоріи нейтральнаго третьяго сосѣда. Онъ формально участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ не принимаетъ, но страдаетъ отъ нихъ, пожалуй, не меньше, чѣмъ и сами воюющіе. Борьба огромныхъ армій опустошила цѣлыя округа, разорила безчисленное количество китайскихъ деревень и даже городовъ. Положимъ, по мѣрѣ силъ и возможности, русская армія возмѣщаетъ убытки и прототи мирныхъ земледѣльцевъ Манчжуріи, а съ другой стороны содержаніе ея служитъ для той же Манчжуріи источникомъ колоссальныхъ доходовъ, но все это нисколько не лишаетъ Китай права считать себя обиженнымъ и пострадавшимъ стороной. При томъ же, условіи мирнаго договора, который установитъ новое положеніе на Востокѣ, не могутъ такъ или иначе не коснуться Китая, изъ-за территоріи котораго разгорѣлся весь этотъ кровавый споръ. Конечно, разъ онъ не воевалъ, то страню было бы допускать его къ участію въ мирныхъ переговорахъ, но въ то же время и не принимать въ расчетъ желаній пробуждающагося къ политической жизни четырехсотъ-милліоннаго народа было бы по меньшей мѣрѣ недальновидно. Съ неизбежной ликвидацией агрессивной политики на Дальнемъ Востокѣ Россія должна вновь вернуться къ старымъ традиціямъ вѣковой дружбы и миролюбиваго сожитія съ своимъ великимъ сосѣдомъ. Въ частномъ договорѣ съ пекинскимъ правительствомъ она должна бы выработать основы взаимнаго соглашенія, которыя были бы приняты въ расчетъ и при обезужденіи условій мира въ Вашингтонѣ. Игнорировать Китай попрежнему и лишать его права голоса въ рѣшеніи его собственной участи было бы просто рискованно. Правда, онъ не участвовалъ въ войнѣ, но это не лишаетъ его возможности, подъ наущеніемъ той же Японіи или Англіи, поднять оружіе противъ насъ черезъ нѣсколько лѣтъ слѣзъ. Миръ хорошъ только прочный, а не такой, который оставляетъ сѣмена будущихъ войнъ, прикрывая ихъ теплымъ и питательнымъ дипломатическимъ удобрѣніемъ. Всѣ газетныя сообщенія изъ Китая свидѣтельствуютъ о несомнѣнномъ пробужденіи національнаго самосознанія въ этой странѣ, подготовленнаго предшествовавшими иностранными захватами и особенно коалиціоннымъ вторженіемъ иностранныхъ войскъ. Вплоть естественно, что Китай теперь, разставшись съ традиционнымъ миролюбіемъ, по примѣру Японіи, заботится о развитіи своихъ вооруженныхъ силъ и для перваго раза удвоилъ количество организованныхъ на японскій образецъ дивизій съ трехъ до шести. Пройдетъ какихъ-нибудь 10 лѣтъ, и подъ бокомъ у насъ вырастетъ новая полумилліонная армія, враждебно настроенная противъ Россіи. Высшая забота дипломатіи должна заключаться не въ томъ, чтобы «создавать дѣйствительную «желтую опасность», а въ томъ, чтобы благоразумно предупредить ее, вернувшись къ исконнымъ заветамъ добрососѣдскаго миролюбія. Въ высшей степени характерно, что Японія посѣпшила отвергнуть китайскія требованія о допущеніи къ участію въ переговорахъ и, по словамъ англійскихъ корреспондентовъ, заподозрѣла въ китайскихъ настояніяхъ «дѣло рукъ русскихъ дипломатовъ». На предупрежденіе Китая, что онъ откажется признать какія бы то ни было русско-японскія соглашенія относительно его территоріальныхъ правъ, японцы выражаютъ увѣренность, что японскіе дипломаты лучше соблюдаютъ пользы Китая, чѣмъ китайскіе. Присоединившись къ этой точкѣ зрѣнія, русская дипломатія сдѣлаетъ большую ошибку: такимъ шагомъ она до начала мирныхъ переговоровъ какъ бы признаетъ уже японскій протекторатъ надъ Китаемъ.

Содержаніе.

ТЕКСТЪ: Волченко. Повѣсть П. П. Гибдича. (Продолженіе). — Событія въ Одессѣ и бунтъ на броненосцѣ «Князь Потемкинъ». — Тучи. Стихъ Э. Соломурскаго. — Вторая депутація у Государя Императора. — Э. Реклю. — Занятіе о. Сахалина японцами. — Графъ П. П. Шуваловъ.

Участіе Китая въ мирныхъ переговорахъ. (Политическое обозрѣніе). — Объявленія.

РИСУНКИ: Юльскій день. — Грозный контрастъ. — У омуля. — Бѣлыя лиліи. — Одесса. Средній Фонтанъ. — Къ событіямъ въ Одессѣ. 1) Сгорѣвшіе и затонувшіе пароходы «Платонъ», «Сергей» и «Екатерина». 2) Катеръ, взявшій одинъ изъ пароходовъ на буксиръ, посланный съ броненосца «Кн. Потемкинъ-Тавричскій». 3) Остатки сгорѣвшей эстакады у приморской лѣстницы. 4) Сгорѣвшіе склады съ солью и остаткіи грудъ соли. 5) Сгорѣвшій пароходъ Россійскаго Общества «Петръ». 6) Сгорѣвшая гавань, пакагузы и пароходы Русскаго Общества Пароходства и Торговли. 7) Брешъ, произведенная вторымъ снарядомъ съ броненосца «Князь Потемкинъ-Тавричскій», попавшимъ въ д. Стрелетова на Бугаевскъ. 8) Пожареніе, причиненное первымъ снарядомъ съ броненосца «Князь Потемкинъ-Тавричскій», попавшимъ на Нѣжинскую улицу, въ домъ Фельдмана. 9) Брешъ, произведенная вторымъ снарядомъ съ броненосца «Князь Потемкинъ-Тавричскій», попавшимъ въ д. Стрелетова на Бугаевскъ. 10) Видъ разграбленныхъ и сожженныхъ пакагузовъ Русскаго Общества Пароходства и Торговли. 11) Сгорѣвшая эстакада и вагоны съ грузомъ подъ ней. 12) Одинъ изъ проходовъ въ гавань и изъ гавани, охраняемый войсками. 13) Видъ уцѣлѣвшаго устоя подъ эстакадой. — Э. Реклю. — 1) Къ захвату о. Сахалина японцами. 2) Къ захвату о. Сахалина японцами. — Московскій градоначальникъ графъ П. П. Шуваловъ. — Перевезеніе тѣла графа П. П. Шувалова.

Къ этому № прилагается: «Полнаго собранія сочиненій А. Н. Шеллера-Михайлова» книга 36.

Редакторъ-издат. А. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

